

СИБИРИАДА

ОЛЕГ
ПЕТРОВ

СТЕРВЯТНИКИ

Сибиряда

Олег Петров
Стервятники

«ВЕЧЕ»

2012

Петров О. Г.

Стервятники / О. Г. Петров — «ВЕЧЕ», 2012 — (Сибиряда)

ISBN 978-5-9533-6274-0

Что за цепочка, потянувшаяся из Восточных Саян в конце XIX века, жестко и трагически соединила беглого каторжника Дмитрия Демина, иркутского золотопромышленника Кузнецова, загадочного «старца» Григория Распутина, казачьего атамана Семенова, несостоявшегося военного правителя Забайкалья Захара Гордеева, иркутских красных комиссаров и многих других, ушедших и доселе здравствующих? Что за страшная тайна окутывает реальных исторических персонажей и цепь драматических событий уже на протяжении полутора веков?.. Обо всем этом и о других, не менее захватывающих событиях, происходивших в Сибирском крае, читайте в новом романе писателя-сибиряка Олега Петрова!

ISBN 978-5-9533-6274-0

© Петров О. Г., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Цепь. (вместо пролога)	6
I	6
II	8
III	10
Хранитель (I)	12
Глава 1. Лоскутников, 31 июля 1991 года	14
Глава 2. Демин, 11 ноября 1886 года	23
Глава 3. Орехов, 8 марта 1991 года	31
Глава 4. Кузнецов, 8 сентября 1899 года	40
Глава 5. Николаев, 20 августа 1991 года	50
Глава 6. Распутин, 16 декабря 1916 года	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Олег Петров

Стервятники

©Петров О.Г., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*О, стервятники! Редкие птицы.
Их призванье во все времена —
жертву выследить и насладиться
трупным ядом.*

Михаил Вишняков

Цепь. (вместо пролога)

I

Дмитрий кряхтя стащил латаные-перелатаные ичиги и опустил гудящие ноги в воду. Тысячи иголок ударили в загрубелую кожу. Благолепие небесное! Изгибаясь всем телом, осторожно потянул с плеч лохмотья меховой кацавейки, потом созревшую, затрещавшую от ветхости рубаху. Двигаться не хотелось. С утра, поди, верст с десятков отмахал по кручам и осыпям.

Блаженствуя, откинулся на спину. Далеко вверху голубел кусочек неба, отсекаемый по дуге неровным краем отвесной, поросшей мхом и лишайниками скалы, и, показалось, прямо в лицо обрушивается рокочущий поток воды. На самом вершуре сверкающая лавина будто замирала, а потом медленно, с суровой непреклонной силой устремлялась вниз, в круглую чашу, саженной десяти в поперечнике. Подивился лениво: с такой высоты ухаёт водяной столб толщиной в добрый десяток мачтовых сосен, а вот, поди ж ты, не разметывает здесь, у подошвы, озерцо-блюдец в кучу брызг. У закраины, где ледяные иголки сейчас выгоняют лому из натрудившихся за день ног, вода спокойная – неторопливо струится, извивается прозрачной змейкой и убегает меж каменных лепешек в густые черемуховые кусты.

Только сейчас Дмитрий ощутил тянущее внутренности чувство голода. Сел, порылся в замусоленной котомке, достал пучок черемши, оторвал крепкими желтыми зубами от тугих сочных стеблей на добрый укус. Серела в котомке и удачно подбитая стрелой утка, так что пора и жарехой заняться – с утра маковой росинки во рту не было. Бросил увесистую птицу на плоский камень, из деревянных ножен вынул сточившийся и почерневший нож. Костерок можно вон там, на песке, разложить, кишки и прочее – долой, да так и запечь в перьях, погуще обмазав глиной. Проглотил тягучий комок слюны, предвкушая пиршество. А оно предстояло богатое, потому как удалось на солончаке наскрести главного сокровища – соли.

Вспоротую утицу прополоскал в бегущей струе ручья. Наклонился с дичиной в руках над ямкой с прозрачной быстрой водицей...

Камень такой странный на донце – ноздрясто-желтый чужак среди темных и гладких, водой обточенных. Дмитрий сунул под воду руку, схватил чужака и, не успев донести до глаз, почувствовал необычную тяжесть в пальцах. Самородок! Бугристое золотое яйцо, чуть поменьше голубино! Насчет золотишка ошибки не было: по молодости держал в руках самородки – в Качуге, на Верхней Лене старатели похвалялись.

Дмитрий птицу на песок бросил, про сосушее нутро забыл. Эва!.. Глаза жадно зашарили по донным камушкам и песку. Святой Боже! Три самородка поменьше прямо-таки кучкой лежали в ямке меж черными гольшами! Жадно схватил обеими руками, подкинул на ладони. Чудеса!

Поднял глаза к голубому серпу высокого неба. А не с голодухи ли и усталости мерещится? Но самородки тянули книзу обхватившие их мертвой хваткой пальцы. Да и чего она ему, синь небесная, беглому каторжнику?

Взор снова зашарил по близкому дну, повел глубже, к беспокойной воде, к подошве монотонно, басовито гудящей водяной колонны, низвергающейся с головокружительной скальной высоты. Нет, там уже не разглядишь. Дмитрий отступил в спокойное мелководье, прошаривая по кругу дно озерной чаши. И с каким фартом до мшелой скалы дошел!

Еще четыре золотых камушка – самый большой с бульбу картошкину! – дожидались его на песке под скальной стенкой! Здесь уже озноб от холоднющей воды пробрал крепко, ноги сводить стало. Дмитрий оперся свободной рукой о скользкую каменную стену, стараясь не съе-

хоть по гладкому песку крутого дна, уходящего под водяной столб, развернулся на онемевших ногах и неуклюже поковылял к бережку, прижимая к груди левую руку с горстью самородков.

У кромки воды все-таки споткнулся и упал на левый бок, больно ударившись локтем о камни. Но добычу не выпустил, только охнул, оставив помутившиеся от боли глаза в мокрую от водяной взвеси гранитную стену. Когда взор прояснилось, краем глаза поймал что-то, выбивающееся из общей зеленовато-черной мокроты гранита.

Тусклая желтая полоса прорезала гранит. Внизу – на сажень выше его, Дмитрия, роста – как лезвие истончившегося ножа, а двумя саженьями кверху уже шириной в ладонь! И уходила, что речка от истока, изгибаясь, по каменной стене в вышину, под летящий поток воды...

II

Гордеев поймал себя на мысли, что заметно постаревший и поблекший атаман, кажется, его не слушает. Витает где-то в горних высях. Но Семенов внезапно повернулся всем телом от окна к столу и просверлил Захара столь знакомым неприязненным взглядом:

– О казачках, говоришь, заботу имеешь? Ишь ты!..

Усмехнулся прежней тигриной манерой, из того времени, вроде бы и недавнего, когда серебром отливали на крепких атаманских плечах шитые парчовой канителью в зигзаг широкие погоны с генерал-лейтенантской парой звездочек.

– Григорий Михайлович, – вновь начал Гордеев. – А почему бы и не отпустить казачков в полосу отчуждения? Каково им существовать в Гензанае? Скученность, антисанитария полная, болезни. Кабы одни мужики, а то с семействами. Уже, почитай, два года на ржавых кораблях живут с домочадцами. Ребятишки мрут, что мухи, особенно мальцы! В возрасте младше пяти-шести лет и не осталось поросли-то...

– Ты из меня слезу не дави! – Семенов набычился у окна.

– Да вы и не барышня кисейная, – горько усмехнулся Захар. – Но я там наблюдаю все признаки полнейшего мора. Как фельдшер по образованию вам говорю! Да и супротив это человеческому естеству – на ржавых корытах жить. Забайкальскому люду казачьему особенно. А вот на земле, в полосе отчуждения «маньчжурки», они воспрянут, способ существования обретут...

– Это ты точно подметил насчет фельдшерского образования своего. – Усмешка вновь тронула губы бывшего правителя Забайкалья. – Потому, Гордеев, и рассуждаешь на уровне клистирной трубки! Запомни и заруби себе на носу или где сподручнее: лихие, геройские казаки даурские и их командиры, все, кто после красных оплеух не скурвился, – твердый народец! Богу и атаману верное войско. Да! – Семенов ухнул кулаком по столешнице, грузно поднялся из-за стола. – Да! Испытания несем тяжкие. Но – России-матушки ради!..

«Повело, однако, атамана на декламацию!» – подумалось Гордееву. Окончательно убедился: затянувшаяся аудиенция у засевшего в Нагасаки атамана проку не даст. Напрасно обнадеживал минувшей осенью Захара генерал Шильников: дескать, с Семеновым достигнута договоренность о передислокации казачьих полков, находившихся под его началом в Китае, в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, дабы создать ударный кулак для вторжения в советское Забайкалье через Аргунь. Дурак Шильников! С Гришей договариваться...

– ...А думал ты, – продолжал Семенов, – на какие шиши, из того же Гензана, воинство наше и семейства чинов перебазировать возможно? Иль я тут под крылом микады прохлаждаюсь да старческий жирок нагуливаю? Как же, даст чертов Самсонов продыху!..

Гордеев был хорошо осведомлен о том, что атаман имеет в виду. Уже несколько месяцев Семенов вел судебную тяжбу с генералом Самсоновым по поводу денег, которые находились в распоряжении подчинявшегося Самсонову генерала Подтягина. Остатки «золотого запаса» покойного верховного правителя Сибири адмирала Колчака, неизрасходованные на снабжение армии, благополучно оказались за морем, в Японии. И распорядитель их – Самсонов, язви его в корень! Вот и сидел Семенов в Нагасаки, занятый судебным процессом. Да только вряд ли что выгорит у испеченного Колчаком генерал-лейтенанта, казачьего атамана, бывшего закадычного друга, обозвавшегося ныне начальником Бюро русской эмиграции. Как кончилась давным-давно их дружба, так и кончилась, подумал Захар, глядя на багровеющего от бессильного гнева Семенова.

– Усилия ваши, Григорий Михайлович, общеизвестны и почетны. Но перспектива, как мы в Маньчжурии понимаем, не близкая...

– Мы в Маньчжурии! Перспектива!.. – передразнил, раздражаясь еще больше, Семенов. – А у вас-то и этого нет! Сколачиваете шайки... Какое отношение ваш сброд имеет к регулярной армии?! А эти жалкие попытки близ границы краснопузых щипнуть?! Смех и тоска! Казачки-то мои для таких щипков потребны, али не так?

– Смею возразить, господин атаман, – твердо ответил Гордеев. – Есть реальные возможности для восстановления нашего положения в Южном Забайкалье...

– Брось, Захар Иванович! – сморщился Семенов, оттягивая большим пальцем тугой воротник крахмаленной сорочки. – Какие, к черту, реальные возможности? О чем ты? С маломощной Дэвэрией не справились, а теперь не партизанские ватаги мужиков – регулярные части красных против нас встали! Матереют, волчоныши...

Помолчав и успокоившись, добавил:

– Насчет того, что Самсонов и Подтягин золотишко просто так не отдадут, – это, конечно, факт. Но поборемся!..

– Золотишко можно и в другом месте добыть, – осторожно сказал Гордеев, внимательно следя за реакцией атамана. Но ожидаемого интереса – с блеском в глазах – не последовало.

– И что же это за другое место? – устало и равнодушно спросил Семенов. – Читинский госбанк или американский Клондайк?

– Почтище Клондайка. Восточные Саяны...

– Ну, брат, насмешил... Заха-ар! Уж седина ж в бороде, – скривился атаман. – Где мы, а где эти самые Саяны... И как-то ты Советы из поля зрения выпустил, а? Лежит, значит-ца, там золото пудами, а Советы, значит-ца, хрен на него забили! Ну, фельдшер! Не удивляюсь теперь всей этой вашей мышинной возне! От Маньчжурии-то, чай, до саянских сокровищ куда как ближе, чем до Нагасаки, а ты, ишь, ко мне явился!.. Слышь, Захар, ты, поди, уже пятый десяток разменял?

– Сорок второй год...

– Угадал я, значит-ца. И что же, в пиратские сказки про клады всё веришь?

Гордеев промолчал. При чем тут сказки про клады? А поначалу ведь собирался бумаги о саянском золоте атаману показать. Те самые, которые атаманская контрразведка у Матрены Распутиной умыкнула. Ну а теперь – накося, выкуси!..

III

Нелюбов снял трубку. Звонил оперативный дежурный.

– Товарищ генерал, из Орлика поступило сообщение. Вчера туристами в районе устья реки Шумак примерно в 16 часов 30 минут обнаружены три трупа. Тургруппа из Питера. Личности установлены. Документы, деньги, пневматическое оружие, снаряжение – ничего не похищено. Убиты из лука...

– Чего?

– Все убиты из лука, товарищ министр, или аналогичного стреляющего устройства. Стрелы самодельные, старинные...

– На экспертизу отправили?

– Так точно, три стрелы.

– Так... Сводку мне. И начальника угрозыска ко мне...

Начальник управления уголовного розыска МВД Республики Бурятия полковник милиции Домашевский четверть часа спустя прибыл к министру с подробностями.

За последние несколько лет долина Шумака стала одним из самых посещаемых мест Восточных Саян. За сезон здесь бывает до двух тысяч отдыхающих, путешествующих по живописным водопадам на притоках Шумака и его северного брата Китою. Вот и нынче там бродит три или четыре туристических группы, одна из которых вышла к устью Шумака, в место живописнейшее – к десятикилометровому каньону, зажавшему речной поток, летящий на слияние с Китоем.

Каньон Шумака – узкое извилистое ущелье, сужающееся местами до четырех-пяти метров, с отвесными двадцатиметровыми скальными стенками, со множеством водопадов, низвергающихся в стремительный поток реки. Зимой по каньону Шумака можно двигаться на лошадях, при этом постоянно рискуя провалиться в промоины на перекатах. Летом грохочущий среди отвесных стен поток непроходим даже на лодках, каньон обходят пешком, далеко поверху. Местами тропа весьма опасна, петляет по крутым осыпям или скользким скалам с узкими полками, на которых порой не за что ухватиться. Но туристы-экстремалы обожают штурмовать скалы каньона, среди которых встречаются и отрицательные углы.

Группа, обнаружившая убитых, как раз к таким альпинистам и относилась. Вышла к началу каньона, а на отмели – три трупа молодых парней из Питера. По уже наведенным в ГУВД северной столицы справкам – молодняк из начинающих бизнесменов, без какого-либо компромата, давние приятели, любители по необжитым уголкам ползать. Почему на этот раз выбрали Восточные Саяны – пока установить не удалось.

Странно выглядели обстоятельства убийства. Тяжелые, черные от времени стрелы нашли своих жертв в ситуации непонятной: один из погибших, высокий русоволосый крепыш, убит ударом стрелы в спину, двое других – в грудь. Причем сила, с которой стрелы их настигали, видимо, была довольно существенной, если одного из погибших стрела пробила почти насквозь. Осмотр места и тел показал, что убийство произошло не там, на отмели, а где-то в другом месте. Убийцы сложили трупы на отмели рядком, вещи – рюкзаки и укладку с резиновой лодкой – погибшим в ноги, аккуратной кучкой. Где и кто? Прямо-таки, какая-то «Охота на Пиранью», вспомнил генерал недавний отечественный кинобоевик с лихо закрученным сюжетом.

«Что это за лук? – подумал Нелюбов. – Что за силач им орудовал? Только и не хватало накануне президентских выборов в республике подобной кровавой мистики, черт ее подери! И где?! Почти бескриминальная территория, статистика несчастных случаев и та фактически на нуле».

Генерал повернул голову к планшету с картой республики, висевшему на стене кабинета. Местность, известная как Тункинские гольцы, лежала на границе Бурятии с Иркутской областью. Когда бы ЧП случилось не в устье Шумака, а того же Архута... И болела бы сейчас голова у соседей...

Генерал Нелюбов вообще к криминальной экзотике относился настороженно. И совершенно не улыбалось на старости лет, под занавес в общем-то вполне сложившейся милицеевской карьеры, получить из-за подобного пинок под зад. Журналисты такие истории любят, раздуют до небес, а потом уж чего угодно жди. Надо сработать на опережение. Естественно, никакой прессы. А оперативно-следственную группу заслать свою, райотделу с местным прокурором это вряд ли по зубам. И министр набрал прямой номер прокурора республики.

Хранитель (I)

Хранители всегда приходили с юго-запада. И он проделал этот долгий и трудный путь, когда на него указал Большой Глаз Цэгэр-Харгала. Он пришел на стражу ровно шесть циклов назад...

Тринадцать избранных стояли на Плитах Пронзительного Взгляда. Один из них станет очередным хранителем. Остальным служить в этом храме. Он знал, что под каменной толщей грубо отесанного гранита спят двенадцать юных лам, цикл назад введенных в состояние самадхи¹. И они цикл назад стояли под Большим Глазом Цэгэр-Харгала, и тогда наступало время Выбора. Но тогда выбирал Цэгэр-Харгал не Хранителя, а Послушника, удостоенного чести отправиться в Лхасу, а оттуда, если снизойдет благословение Верховного Правителя, – в Задний Тибет, в Шигадзе. Там, в монастыре Шалу, удостоенный звания Послушника три четверти цикла будет постигать тайны учения, а в последнюю четверть пройдет Три Ступени Испытания². Он должен будет сжать плоть, умножить жар и убавить вес. И закончить цикл обучения, совершив арджоха... Когда, цикл назад, Цэгэр-Харгал избрал Послушника из тринадцати юношей в грубых, умиротворяющих плоть одеяниях, оставшимся двенадцати была оказана не менее высокая честь.

Ждал рождения Новый храм. Гранитные плиты, заготовленные для строительства новой обители богов, возвышались циклопическими стопами вокруг обозначенного места. Шесть десятков из них уже уложены в основание Нового храма, образовав двенадцать прямоугольных саркофагов. Двенадцать избранных юных лам два месяца проходили обряд очищения духа и тела, прежде чем Цэгэр-Харгал разрешил ламам Первого Круга Вращения Колеса Жизни приступить к усыплению избранных, их введению в самадхи. Три ночи горели священные огни, вращались молитвенные барабаны, курились благовония под неусыпным Большим Глазом.

На утро четвертого дня легкие тела опустили в гранитные саркофаги и накрыли каждый еще одной гранитной плитой. Плотно и ровно легли гранитные плиты. Плиты Пронзительного Взгляда. Два цикла, две дюжины лет будет действовать сила самадхи. Именно эта сила дает знание происходящего далеко, за десятки и сотни дней пути. Именно эта сила, пронизывая горные хребты, пролетая над степными просторами и гладью воды, приносит Хранителю, несущему стражу далеко-далеко от родного сомона, Известие о Времени Смены Хранителя. И каждые два цикла служители храма готовят новую юную смену спящим под Плитами Пронзительного Взгляда...

---

¹ Самадхи (*тибет.*) – состояние, похожее на летаргический сон, в которое вводили ламу-подростка, а затем замуровывали его в каменный саркофаг, служащий основанием храма (как правило, нового). Считается, что в течение двух циклов (24 года) тело ламы в состоянии самадхи излучает некое неосознаваемое «тепло», позволяющее ламам, служащим в храме, обладать телепатической силой, действующей на значительные расстояния. Российский наблюдатель В. Овчинников указывает, что в середине XX века жестокий обычай был фактически отменен после участвовавших случаев бегства молодых лам, избранных для печальной участи. Однако монахи продолжают утверждать, что подобно тому, как конь чувствует могилу хозяина, так и трупы молодых лам две дюжины лет дают излучение, облегчающее телепатам выход на объект.

² Три Ступени Испытания – психофизическая тренировка тибетских монахов продолжительностью в три года, три месяца и три дня. Их поодиночке замуровывают в тесные пещеры, оставляя отверстие, равное по ширине расстоянию между большим и указательным пальцами руки. Через это отверстие монах дышит, раз в сутки получает воду и дзамбу (порцию муки из прожаренного ячменя, политую топленным маслом и чаем с солью). К концу испытания монах должен быть готов продемонстрировать способность пройти три ступени самоусовершенствования: «сжать плоть», то есть выбраться из пещеры через имеющееся отверстие; «умножить жар» – за полчаса, сидя на куске льда, высушить телом мокрое полотенце, которым его обматывают; «убавить вес» – сделать свое тело невесомым, чтобы совершить арджоха (бег-полет) – святой подвиг: едва касаясь земли ногами, в полнолуние за две ночи и день, пробежать от города Шигадзе до ламаистской столицы Тибета Лхасы (240 км) в состоянии своеобразного транса, когда бегущего никому нельзя окликать, ибо это опасно для его жизни. Он может только сам иногда прерывать бег на несколько секунд, чтобы напиться воды из реки или ручья.

Небеса разверзлись. Ударил гром, ослепительные копья Белого Огня пронзали горные пики. Наутро Цэгэр-Харгал объявил: пришло время известия о времени смены Хранителя. Распростершись на Плитах Пронзительного Взгляда, он послал известие. И узнал, что оно получено.

И предстали перед Большим Глазом тринадцать избранных. Сила самадхи все знает про них. Она знает, кто из тринадцати способен пройти путь, она знает, кто способен пройти путь, но не сможет стать Хранителем. И она скажет Большому Глазу, на кого указать. Устами обладателя дара ясновидения – «третьего глаза». И объявит Великое Откровение Самадхи бывший Послушник, совершивший арджоха, прошедший в лхасском храме Джокан обряд приобщения к Пронзительному Взгляду³, – Просвещенный Цэгэр-Харгал. Уже три цикла его слово – закон для сомона, рождающего Хранителей.

– Ты! – ткнул с горловым выдохом Цэгэр-Харгал его в грудь. – Собирайся! Лунный Бог и Боги Звезд приказали тебе начать путь завтра, когда первый луч Желтого Бога окрасит кармином Далан-Тан-Уул. Наступило Время Смены Хранителя, и в запасе у тебя только шесть лун...

---

³ Приобщение к Пронзительному Взгляду – способ, которым тибетские ламы-врачеватели искусственно раскрывают способности человека к ясновидению. Давно замечено, что такой дар зачастую возникает у человека после черепно-мозговой травмы. Отобранному по ряду особых признаков монаху (прошедшему три ступени испытаний и арджоха) в середине лба высверливают отверстие и закрывают его деревянной пробкой, обмотанной целебными травами. При такой операции, по свидетельству российского наблюдателя В. Овчинникова, выживает лишь один человек из пяти.

Глава 1. Лоскутников, 31 июля 1991 года

Чертовски устал он сегодня. День выдался – сплошная круговерть и нервотрепка. Говорил же: с этим объектом в Дарасуне будут только одни неприятности. Так и вышло. Заказчик дышал ядом и по большому счету был прав. И с возведением самой коробки они затянули и зря связались с этой армянской бригадой. «Ары» работали быстро, но качество... Еле уболтал сегодня заказчика, чтобы не ломился в суд, пообещал солидную скидку при окончательном расчете. Мда-с, трудный разговор предстоит на правлении... А еще и с машиной... Хоть кол на голове теши тезке своему непутевому! Ну, Шурик... Правильно говорят, есть водители, а есть ездуны! Пришлось нынче, как бедному студенту, из Дарасуна на электричке...

– Слышь, мужик, закурить не найдется?

Три темные фигуры догоняли его в хорошем спортивном темпе.

– Да не курю я уже лет восемь! – в сердцах выкрикнул он.

– Здоровье бережешь? Молодец, – ухмыльнулся самый плотный из подбежавших. – Лоскутников Александр Петрович?

– Ну, я. – Он сразу успокоился, перестало ухать в груди. – Шутки у вас, хлопцы...

– Шутки мы любим, – вновь отозвался плотный.

– Но сэгодня шутыть нэ будэм! – Второй из троицы догнавших внезапно выхватил показавшийся Лоскутникову огромным пистолет и больно ткнул им Александра Петровича в щеку. – Гавары, пес!

– Ты чего?! Да чего вам надо?! – Отшатнулся Лоскутников. Сердце опять ухнуло вниз. – Чего вы хотите?!

– Дядя, – вмешался в разговор третий, самый молодой из троицы, хотя и остальным до тридцатилетнего рубежа было еще далеко. – Не так давно ты один документик засветил. Описание некоего лесного уголка. Вспомнил? Вот нам эта бумажка и требуется.

– Не понимаю...

Лоскутников и впрямь не мог сообразить, о чем идет речь. Суматошный день, усталость, и эта странная троица...

– Нэ круты, урод! Бумагу давай, собака! – Пистолетный ствол раскровянил Лоскутникову подбородок.

– Уйми своего черножопого приятеля! – хрипло крикнул Лоскутников плотному, зажимая ранку. – Волчары! Втроем на одного, да еще с пукалкой!

– Ти чи-то про мэня ска-а-за-ал, сын шака-а-ла-а?! – фальцетом, нараспев, вдруг закричал чернявый с пистолетом. – А-а-а!!!

Грохнул выстрел. Мощная пуля ударила Лоскуникова в грудь...

Капитан милиции Сергей Васильевич Тимонин, старший эксперт-баллистик областного управления внутренних дел, озадаченно наморщил лоб и вновь прильнул к окулярам микроскопа, уже с нарастающей тревогой. Чертыхнувшись, резко поднялся из-за стола, выудил из заднего брючного кармана, путаясь в прилипающем к брючинам халате, увесистую связку ключей. Самым маленьким отпер замок-стопор металлического шкафа-картотеки.

В верхнем отделении лежали кое-какие остатки содержимого двух или трех разукомплектованных криминалистических чемоданчиков и главное сокровище баллистиков – шикарно изданный в «махровые застойные годы» двухтомник «Револьверы и пистолеты», с суровым грифом «Для служебного пользования» и порядковым номером экземпляра.

Каждый раз, листая справочник, Тимонин недоумевающе хмыкал – для какого еще «пользования» он может стодиться, но потом уверил себя, что гриф двухтомнику присвоили

с единственной целью – дабы защитить от букинистического прилавка. Ярый библиоман оторвал бы с руками.

Тимонин раскрыл справочник на нужной странице. Через минуту, вновь пробравшись к своему столу, еще раз заглянул в микроскоп. Оторвавшись от окуляров, довольно крякнул и нежно погладил раскрытый том. Но тут же лицо эксперта помрачнело, ибо чувство удовлетворения не всегда бывает бальзамом для души, а вполне может создать дополнительные увесистые трудности. Как сейчас, например.

Тимонин тяжело вздохнул, потянул белую прямоугольную трубку «Телекома»:

– Игорь Степанович, это Тимонин. Здравия желаю. Тут у меня новость по вчерашнему убийству на дачах в Кручине. Систему оружия удалось установить точно – пуля деформирована слабо. И вот тут-то, Игорь Степанович, самый цирк и начинается! Пуля – не самоделка, как сначала подумали. Как и «ствол». В общем, это стандартный армейский кольт сорок пятого калибра, в смысле, 11,43 миллиметра... Да, штатовская армия и других стран НАТО, частично полиция у них вооружены... Что? Ну при чем тут, Игорь Степанович, Голливуд! Вы сами зайдите и гляньте! Факт – кольт. И стандартный патрон применялся – 45 АКП. Экзотический для наших мест «ствол». Из него и убили...

«Вертушки», основательно обработав кишлак «эрэсами» – пятнистыми «щуками», с клекотом и звоном, пронеслись над головой. Красные, неимоверно плотные клубы пыли еще стояли стеной, когда первый «броник» нырнул за разваленный взрывчаткой дувал. Олег с ребятами шел на родной, четвертой «броню». Ротный проорал, чтобы глубоко не совались – «духам» и «эрэсы» нипочем. «Особенно, если они тут вообще были!» – со злостью мелькнуло у Олега в голове.

«Духи» были. Двое бородатых навзничь раскидались у опрокинутого и покореженного ДШК.

– По «вертушкам» били, суки! – выругался кто-то рядом. Леха, вроде.

– Какого х... столбами торчите, мать вашу! По сквозняку в башках соскучились!

Это «бугор». Сержант Поляничко, или Юрка-комод. Комод – потому что командир отделения, а еще – потому что квадратный...

Долбануло у самых ног! Очередной внутренний монолог на этом и оборвался. Откуда летело, сразу и необразишь. Олег и Леха кубарем скатились в воронку, к мертвякам-пулеметчикам. Уж лучше такая компания здесь, чем там – перед очами Аллаха!

«Духовский» пулемет лупил с прежней настырностью. С «брони» отгавкивался «владимиров», лениво и бестолково, вслепую.

– Откуда же этот хрен моржовый палит?! – Леха, как всегда, терял терпение на первой минуте первого тайма. Он заелозил наверх, желая осмотреться, непроизвольно оттолкнувшись ногой от ближайшего к нему трупа. Мертвец от толчка чуть сполз вниз, что-то металлически звякнуло.

О, это был крутой трофей! Когда еще в Кабуле кантовались и была с неделю чистая лафа, по вечерам в клуб-палатке интендантский прапор за чеки видак крутил. По боевичкам Олег такую «машинку» и оценил. Любимая пушка Арнольда, которой он в «Коммандо» орудовал! Класс! Вот он, знаменитый кольт – и школьных обрывков «инглиша» достаточно, чтобы четкую надпись на затворе схватить.

Олег с восторгом прикинул пистолет в руке, обернулся к Лехе...

Дальнейшее произошло мгновенно, всё разом, кучей. Так и перемешалось в голове. Наверное, все-таки это снайперюга из «зеленки» подловил. Лехины мозги и кровь брызнули Олегу в глаза...

Потом всё – как не с ним. Что-то орал, в основном матом, стрелял в «зеленку», тащил на «броню» Леху, снова стрелял... Потом подоспели «вертушки», а их отвели на «базу»...

И только там, немного очухавшись, Олег добрался до трофея. По идее, дальнейшие действия рядового Мельникова должны были быть просты как мычание. Доложить по команде, сдать и тэдэ и тэпэ. Но поначалу по-мальчишески было жалко расставаться с кольцом, а потом случилась еще пара заварушек... Ну а после сдача стала проблемной по причине просрочки времени. Что прямо пропорционально повышало профессиональный интерес к рядовому Мельникову со стороны капитана Мызгина из особого отдела. Желания общаться с последним никогда ни у кого не обнаруживалось, и Олег не был исключением. А вот желание обладать столь клёвым боевым трофеем вообще снимало все вопросы и душевные метания. Впрочем, с оными как-то обошлось. Так и прижилась «машинка» у Олега. Понятное дело, молчком. Когда сам ни гу-гу, то кому ты на хрен сдался, рядовой Мельников!

А Леху проводили в Союз на «черном тюльпане». Груз «200».

Ну а через восемьдесят четыре дня – всё! Край!! Домой!!!

Из Афгана выходили на «броню». Нормально вышли, без крови. И шмон на родине был лажовый: братва чего только не принатырила... И «стволы», и «лимоны». Сувенирная память! В общем, домой в Читу, кольт доехал на «паровозе», под присмотром хозяина. Ништяк!

Полгода, правда, вместо головы дурилка была – во сне такое увидится, что вскакиваешь и орешь идиотом. От резких звуков – по привычке к земле... На траву поначалу вообще не ступалось, потом, с опаской, привык. Или, наоборот, отвык, наконец? Нет, сейчас норма. Так, иногда...

Светлана Васильевна, когда Дима Писаренко узрел ее в самый первый раз, впечатление произвела! Эффектная, почти что натуральная блондинка с неплохой фигурой и ногами от ушей. Зеленые глаза, не лишённые волнующего блеска даже посреди кабинетной казенщины прокурорского интерьера, где Дима со Светланой Васильевной и встретился. Естественна, притягательна. Это Дима в первую очередь зафиксировал. «Умеет себя перед мужиком подать без каких-нибудь дополнительных усилий», – подумал с удовлетворением, радостно себя обнадеживая.

Очень быстро выяснилось – классик прав: надежды, питающие юношей, иллюзорны. Деловые – правильнее будет сказать, сугубо служебные, – отношения следователя областной прокуратуры Светланы Васильевны Алейниковой и оперуполномоченного уголовного розыска УВД капитана милиции Дмитрия Сергеевича Писаренко за минувшие после их первой встречи два с лишним года ни в какие другие не перешли.

С легкой грустью размышлял об этом Дима, в очередной раз сидя в неудобном, заваленном бумагами в картонных папках и без оных, темном и холодном кабинетике-чуланчике Алейниковой. Следя за длинными, наманикюренными пальцами СВ (так Дима про себя уже с год называл хозяйку кабинета), извлекающими из сигаретной пачки очередную «стюардессину», капитан Писаренко мысленно делал печальные, с лирической точки зрения, выводы: его надежда лопнула, как воздушный шарик, в который беспардонно ткнули (ткнула!) горячей сигаретой.

Его выводы наполнялись истинным трагизмом, потому как недавно Дмитрий бросил курить. Отрезая себе пути к отступлению, даже поспорил на сей счет со своим приятелем и коллегой Сергеем Поповым на бутылку «Наполеона». Понятно, что индивидуально тратиться на «кусачий» французский коньячок, гордо возвышающийся на витрине «комка», оба не имели ни малейшей надежды. Вернее, финансовой возможности, хотя вожделенный «Наполеон», из-за разлива на польской территории, цену имел кратно меньшую, чем оригинал из мушкетерской страны.

В общем, каждый крепился, демонстрируя незаурядные волевые качества, по поводу чего коллеги заключивших пари выражались в различных вариантах, но по смыслу одинаково: эту бы энергию да в мирных целях – для пользы оперативно-разыскной деятельности. Одновре-

менно при каждом удобном случае Дмитрий и Серега всячески провоцировали друг друга «на предмет табачной слабости». В глубине души каждый с нетерпением ждал мгновения «прокола» товарища, но не ликования ради, а того для, чтобы с наслаждением и глубоким чувством исполненного долга торжественно приобрести пачку любимых сигарет и за-тя-нуть-ся!

Но пока ожидание светлого мига больше смахивало на прогрессирующую паранойю. И этим нарастающим «заболеванием» объяснялись все беды и проблемы. Безусловно, что весь курящий «контингент населения» относился теперь к категории отрицательной части человечества, из-за которой все беды. И предмет безутешных Диминых вздыханий в лице СВ, к сожалению, тоже обосновался в категории зла.

Следя за тлеющим кончиком сигареты Алейниковой, капитан Писаренко старался убедить себя в том, что совместные потуги угрозыска и прокуратуры раскрыть убийство в дачном кооперативе «по горячим следам» оказались несостоятельными только из-за страшной никотиновой зависимости отдельно взятых прокурорских работников.

Личность убитого была установлена, но каких-либо зацепок это пока не дало. Иван Семенович Портнягин прожил самую обычную жизнь. Оставшуюся до пенсии «семилетку» так бы, наверное, и трудился прорабом в родном стройуправлении. По выходным – копался с домочадцами на четырех сотках дачного участка, сползающего с косогора у бурлящей Кручины, куда с супругой и младшей дочерью приезжал на выдавшем виды жигуленке.

Под стать «копейке» была и дача. Нехарактерная для прораба СУ (у колодца да не напиток?). Портнягины жили скромно, особенным достатком похвалиться не могли. Другими словами, версии о темных связях, как и корыстных мотивах преступления, у следствия отпали быстро.

Картина пока вырисовывалась такая. Погибший вечером, видимо прямо с работы, поехал на дачу полить зелень. Где-то по дороге посадил попутчика или попутчиков. Убили Портнягина в машине, за рулем. Судмедэксперт заключение вынес однозначное: выстрел в упор, срез ствола оружия был почти прижат к одежде убитого. Стреляли в грудь, но под значительным углом справа, почти в горизонтальной плоскости. То есть с переднего пассажирского сиденья. Баллистики из ЭКО говорят о том же самом. И еще о мощности оружия: крупный калибр, солидный заряд – во входное отверстие на теле палец свободно войдет, а выходное повреждение на спине, вернее, почти в левом боку, – вообще рана жуткая. Пистолетную пулю потом в «жигулях» найдут, а вначале, при осмотре обнаруженного трупа и вскрытии, сходились на крупном охотничьем калибре и самодельной пуле-жакане.

Вишневую портнягинскую «копейку» обнаружили в Дарасуне, на станции, километров в семидесяти на восток от областного центра. Жигуленок стоял за деревянным зданием местного вокзальчика. На переднее сиденье был наброшен кусок брезента: севший за руль преступник постелил, чтобы не измазаться в крови, которой на водительском месте было в избытке, как и в багажнике автомобиля. Значит, труп еще некоторое время убийца или убийцы везли с собой, а уж потом бросили в кусты неподалеку от дачного кооператива. Скорее всего, Портнягин сказал своим пассажирам, что будет сворачивать с трассы на дачу, потому вынужден их высадить. Вот тогда-то и прогремел роковой выстрел.

Заезжали преступники по дороге от Кручины до Дарасуна куда-нибудь или напрямиком до станции проскочили – узнай попробуй. Но машину не грабили. Доехали до перрона и бросили. Опаздывали на поезд или нарочно к вокзалу подкатили? Откуда у них такой экзотический «ствол»? Куда делась гильза? Кольт 45-го калибра – не револьвер, гильзу при выстреле выбрасывает. Вопросы, вопросы, вопросы...

Дима тяжело вздохнул и, дождавшись, когда «прокурорша» дочитает заключение Тимонина о пуле, выковыренной из левой стойки жигуленка, спросил:

– Что скажете, Светлана Васильевна? Как вам такой сюжетик?

– А может, это и к лучшему, – со своей обычной сухостью ответила СВ, глядя сквозь Диму. – Американских пистолетов у нас, хотя бы пока, явно меньше, чем охотничьих ружей. Вам и карты в руки, Дмитрий Сергеевич. Надеюсь, что последнее обстоятельство учтено вами в плане розыскных мероприятий?

Капитан Писаренко еще раз тоскливо повторил про себя сделанный вывод о причинно-следственной связи воздушного шарика и горящего окурка...

Олег Мельников призыва был весеннего, соответственно, наступил и «дембель». Но родительские надежды, что по осени Олег сумеет поступить в политехнический, хотя бы на подготовительное, оказались чересчур оптимистичными. Куда там! Короче, как устроился летом, с помощью бати, слесарить в ПАТП-2, проще говоря, в городской таксопарк, так и продолжал пролетарить уже третий год. На «политене» поставил крест – тягаться на вступительных со свежими выпускниками средних школ не получилось. Поэтому родительские иллюзии об институте угасли окончательно, что Мельникова-младшего в душе и не грызло.

Афган вообще избавил Олега от иллюзий. Былые мечтания вчерашнего школьника остались там, на кручах Саланга. Как и многое другое. Идеалы там разные, понятия о черном и белом...

Общительностью Олег и раньше не отличался. И теперь больше любил у отца в гараже с железками возиться. Неполный год после школы до армии тоже пролетел бестолково: на курсах в ДОСААФе немного позанимался – не понравилось, бросил. Батя устроил в ремонтные мастерские, потом на автосборочный в ученики... Когда повестку принесли – Олег даже обрадовался.

Военно-патриотического задора заметно поубавилось, стоило стриженной пацанве очутиться в «учебке». Она оказалась от дома далековатенько – под Ташкентом. Четыре месяца в пыльном и прокаленном жаром гарнизоне в полусотне километров от «города дружбы народов». Но красоты «Звезды Востока» так и остались неисследованными.

Душной ночью тревога сорвала с липкой простыни. Лихорадочные сборы, от которых слетела вся кожа на костяшках пальцев (кто придумал такие ручки у деревянных патронных ящиков?), изматывающий марш на ревуших в бесконечной колонне «сто тридцать первых» ЗИЛх...

Сумасшедшая ночь завершилась на необозримом военном аэродроме у пузатых транспортных «Анов». Внушающая крепкий оптимизм плотность заправки желудков, которой завершились несколько часов ожидания близ аэродромной бетонки, приказала долго жить после первого часа болтанки в самолетном брюхе. Потом кишки просто бились друг об друга прямо-таки с жестяным грохотом: самолет лез через горные хребты, ухая в воздушные ямы и содрогаясь всеми своими железками. Дубарь в поднебесье тоже оказался изрядным: шинельную скатку раскатал самый ленивый. Наконец сели где-то. «Где-то» оказалось Кабулом...

Афган Олег вспоминать не любит. Может быть, потому и отстранился от братвы, вернувшись домой. После гибели Лехи, единственного для Олега боевого друга, так ни с кем и не завязалось чего-то крепкого. В Чите однополчан не знал, да и не стремился узнать. Приходили, звали в клуб, ассоциацию или союз там какой-то создают. Нет, хватит! Чем быстрее забудется, тем лучше... И свое удостоверение о льготах засунул подальше – впереди женщин с детьми к прилавку лезть?.. Медали «За отвагу» и афганская, которая якобы от «благодарного народа», где-то у матери в шкатулочке, с его роддомовскими клеенчатыми бирочками.

Редко, когда Олег оставался в квартире один, он залезал на антресоли и вытаскивал из-под груды барахла вороненый афганский трофей. Но колыт все чаще и чаще напоминал ему чемодан без ручки: быть его хозяином, что сводилось к такому вот тайному любованию «машинкой», былой радости уже не приносило, а избавиться, попросту выбросить пистолет,

дабы не играть с законом в кошки-мышки, – жалко. И снова прятал увесистый сверток под старье.

Определенные взгляды на трофей стали зарождаться у Олега через несколько месяцев после знакомства с Леной.

В минувшем сентябре это произошло. Если быть точным, в воскресенье, 9 сентября 1999 года. В день рождения Влада Орехова, одноклассника Олега.

Столкнулись с Владом совершенно случайно накануне, в пятницу. Мать почувствовала себя неважно, Олег поспешил в центр, в единственную дежурную аптеку, купил лекарство и топал через площадь на троллейбусную остановку – на «единичку», и домой, в Северный. И тут навстречу – веселая шумная кучка «фирменных» мальчиков и девочек. Явно на ресторан «Забайкалье» нацелены. Азимуты пересеклись – притормозил, пропуская.

– Ба, Олега! Ты? – Долговязый парень, стряхивая с плеча девичью руку, шагнул к Мельникову. «Вареный» с головы до ног, обутых в белоснежные фирменные кроссы «Найк». Только тут его Олег и признал – Орехов Влад. Владислав. С шестого класса учились вместе. Последний раз на выпускном виделись.

– Старик! Смертельно рад! Где пропадал? – затараторил бывший одноклассник. Олег молча пожал узкую и вялую ладонь, неопределенно пожимая плечами.

– Владик! – Из-за плеча Орехова ленивой кошкой выглянула одна из девиц. Мордашка вроде ничего, но столько косметики Олег не любил. Взгляд девицы прошел сквозь Олега как через пустое место. – Владик, мы так вообще не попадем...

– Лю, я тебя умоляю, не надо нервов. – Небрежно-манерный тон Влада для Олега внове. Раньше, в школе, не виден, не слышен был одноклассничек.

– Олега, – тем не менее заторопился Орехов, – извини, старик, накладка нынче... Обещал вот бабцов в кабак стаскать. Может, с нами, а?

– Да нет, срочно домой надо, – Олег показал однокласснику пакет с лекарствами. – Как-нибудь в другой раз.

– Понимаю, старик, молодец! Предкам привет от меня... Кстати, в воскресенье гуляем мои амманины, так что на ловца и зверь! Давай, старик, как штык! Живу там же, к шести жду. Железно? – Влад просящее заглянул в глаза. – Подгребай. Мои будут рады. Тем паче – сабантуйчик без тусовни. – Это Влад явно для наостривших ушки «бабцов» кинул: – Подомашнему: па, ма да мы с тобой, ну разве еще пара-тройка гостей из ближнего кружка, а? Посидим, побазарим – как и что за эти годы, а? Хоп?

«А почему бы и нет?» – подумалось Олегу. Насколько он помнил, отец у Влада, преподававший в пединституте, мужик был с юмором, интересный собеседник, с которым разница в возрасте не ощущалась. Да и хотелось просто посидеть, для души. Влад же был оттуда, из золотых школьных деньков, из поистине сказочного прошлого, где еще никто ничего не знал, где не было той большой лжи, крови и дуроты, которые пришли позже. С афганской желтухой и улетающими в Союз «черными тюльпанами»...

И в воскресенье Олег пришел к Владу, захватив в качестве презента «новорожденному» японскую пьезозажигалку – единственный оставшийся «дембельский» сувенир. «Кольт-45», естественно, не в счет.

Подарок был оценен. Олег оказался в центре внимания, чего он не любил, но зато, когда застолье, а оно оказалось действительно по-старому чинным и домашним, подошло к логическому концу, Лена позволила Олегу проводить ее.

Лена... Олег сразу обратил на нее внимание. Красивая! Подруга Тани – по разумению Олега, невесты Влада. Это, кажется, было уже делом решенным. По крайней мере, родители Влада, Борис Петрович и Элеонора Львовна, относились к Татьяне именно так.

А Влад... В родной домашней обстановке он являл собой прямую противоположность тому «фирмовому» мальчику, что двумя днями раньше «тащил бабцов в кабак». Но Олега это

не удивило. Он уже давно ничему не удивлялся. Кстати, «кабацкие бабцы» на чинном домашнем застолье, понятно, отсутствовали. Татьяна с Леной – совершенно не из круга пятничной компании Влада. Тут он – воспитанный молодой человек, послушный и добрый мамин-папин мальчик. И за столом всё по-доброму. Папа, мама, бабушка, сын-внучок, он же именинник, потенциальная невеста с подружкой и Олег.

Познакомившись с Леной, Олег невольно проникся к Владу искренней признательностью: умелая деликатность – «все подружки по парам». Весь вечер приглашал Лену танцевать, ощущая в ладонях гибкое тело, пьянея от аромата каких-то неведомых духов. Жаль, кавалером оказался нескладным – чего-то закосноязычил, на девичьи вопросы, как ему казалось, отвечал односложно и бестолково. Больше молчал. Разве что с Борисом Петровичем немного «за жизнь» побалакали, когда дымили на балконе. Но, тем не менее, прощаясь вечером у своего подъезда, Лена протянула руку и просто сказала: «Не теряйся, позвони мне завтра». Номер телефона Олег запомнил раз и навсегда...

Жизнь Влада Орехова уже давно напоминала ручеек, наткнувшийся на камешек-преграду: раздвоилась и потекла двумя извилистыми потоками, которые все дальше и дальше убежали друг от друга. Один потихоньку мелел, другой лавировал и весело журчал.

Давно уже не стало того тихого мальчика Владика из десятого «б», которого помнили его одноклассники и школьные учителя. Во-первых, Влад превратился в вечного студента. После школы «тип-топа» не вышло: с треском провалился на вступительных в медицинский. Ситуацию не удалось выправить даже энергичными усилиями Элеоноры Львовны, фигуры «в кругах, близких к облздраву», влиятельной. Но через год «скорбный труд» маман не пропал понапрасну, и Владика зачислили на первый курс лечфака.

Потом Владик и Олег почти в одно и то же время оказались на больничных койках. Но рядовой Мельников валялся в госпитале с печально известным афганским гепатитом, а диагноз студента Орехова был куда как мудренее. «Затяжное невротическое состояние» плюс еще несколько витиеватых латинских формулировок обеспечили Владу три месяца «стационарного обследования и лечения» на берегах Невы (так сказать, подальше от провинциальных эскулапов, таких несговорчивых) и еще почти полгода «оздоровительных мероприятий» в санаторных условиях уже у самого синего в мире моря. Экстренная забота о здоровье единственного «чада» вкупе с другими активными морально-материальными потугами Элеоноры Львовны и Бориса Петровича, а также срабатывание временного фактора уберегли здоровье Владика. Оно могло капитально пошатнуться, ежели бы не все перечисленное. Мягкая больнично-санаторная постелька принципиально отличается от жесткой и неудобной скамьи подсудимых.

Другие «сели». За хищение и сбыт наркотических веществ. Группа студентов-медиков, в которой был и Влад, с максимальной для себя пользой шакарила в читинских больницах: крали ампулы с морфином, омнопонем и промедолом, вливая страждущим пациентам хирургии и травматологии вместо обезболивающих препаратов банальный анальгин, а то и дистиллированную воду. Наркотики успешно сбывались. Понятно, не на барахолке. Покупатель имелся постоянный и оптовый. Он, собственно, мальчиков и девочек в беленьких халатиках и организовал. Погорев, добросовестно «спалил» будущих эскулапов. Эпилог всей этой на шумевшей в Чите истории для Влада и его подельников выглядел заметно дифференцированно: одним – приговор суда и срок, а «болезному» Владу – больничная койка и «академ». Академический отпуск Орехова-младшего затянулся аж на два года, потому как страсти в институте не утихали долго.

Впрочем, как говорится, всё это было давно и неправда. Нынче учеба успешно продолжалась. Жизнь наладилась и стала походить на сало в шоколаде, ибо студенческой обязателькой Влад обременительно не грузился. Тащился по семестровым дорожкам с удовлетворительной

скоростью, дабы не гневить ма и па. И так обеспечил им устойчивую седину и утрату миллиардов нервных клеток былым «наркобизнесом».

Влад любил своих родителей. До недавнего времени они были единственным источником его материального благополучия, обеспечивая бесперебойное снабжение «чада» фирменным шмутьем и дензнаками, что скрашивало суровое студенческое житье-бытье. Влад достаточно твердо уяснил: нехитрые реверансы с его стороны, мало-мальские усилия по поддержанию имиджа Владика образца той поры, которая называется «школьные годы чудесные», – этого вполне достаточно для ма и па. Взамен на Влада ежедневно обрушивался водопад щедрой, в прямом и переносном смысле, родительской любви, веры и надежды, заботы, опеки и всепрощения.

А Элеонора Львовна и Борис Петрович, как родителям и подобает, были стопроцентно уверены, что былая история с Владиком – первый и последний кошмар в их жизни. Это дорого обошлось семье, но, безусловно, отрезвило их наследника раз и навсегда. Как забыть испуганные глазенки мальчика-несмышлениша, когда грубиян-следователь чего-то там от него хотел?! В общем, больше Владик их не огорчал. Только радовал. Учебой. Серьезными жизненными установками. Вот и с Танечкой Владик все обдумали – не торопятся. Кому нужна нищая студенческая семья? Получить диплом, а уж потом...

Танечка Ореховым-старшим приглянулась – прекрасная девушка из очень порядочной семьи. Элеонора Львовна сразу же навела справки: папа у девушки – без пяти минут генерал, второе лицо в медуправлении ЗабВО, мама – первое лицо в окружном «Военторге». И мадам Орехова уже подумывала о том, что пора заняться квартирой для молодых, будущей работой для сына. Его желание специализироваться на функциональной диагностике – очень правильное. Тут и в областной клинической больнице неплохо можно устроиться, а еще лучше в новом диагностическом центре, или в Центре восточной медицины, или в совместной с корейцами фирме «Фитон»... Для начала, конечно. А там – поглядим...

Корвалолы-валокордины и разные валидолы вряд ли бы купировали сердечную боль мадам Ореховой, если бы она узнала, что ее драгоценный Владик меньше всего видел себя волшебником в белом халате. Эти волшебники зарабатывали слишком мало радужных бумажек, даже крепко встав на ноги после окончания стоматологического факультета. А Влад «к зубам» отношения не имел. Святое предназначение а ля Ибн-Сина ему вообще было по барабану. После истории с наркотиками любящий сын любящих родителей умозаключил банальное: быют не за то, что украл, а за то, что попался. Вывод логично достроил: попадают те, кто крадет. Крадет жадно и безголово. Осмотрительность – вот что важно. Аккуратная осмотрительность, основанная на интеллекте. Осмотрительный вор попадается редко. И даже при таком печальном стечении обстоятельств можно выйти сухим из воды, если применять мозги, а не отмычку.

Без зауми все эти теоретические конструкции сводились к вещам прозаическим. Благополучный сын своих родителей Влад Орехов, студент и вообще молодец, подрабатывал. Но не ночными дежурствами или в качестве грузчика. Владик зарабатывал... наводчиком для группы удалых «братков», которых чрезвычайно интересовали богатенькие буратины и мальвины. Точнее – то, чем владели их папочки и мамочки. Сия прослойка в бывшем советском обществе год от года утолщалась. А так как этот процесс происходил в основном в среде тех незаметных граждан, которым неслабо купить шикарную квартиру, коттедж или японский джип последней модели, но затруднительно объяснить, откуда на такое приобретение взялись деньги, то несложно догадаться, что поле деятельности для Влада становилось все «шире и шире». К тому же, новые забайкальские буржуа, как правило, отличались незаурядной скромностью. В милицию предпочитали не бежать, если некто, пользуясь отсутствием хозяев, вдруг поубавил импортного добра, драгоценных цацек и хрустящих купюр в квартире или на даче.

Не стремились состоятельные граждане в компетентные органы, даже если удалые молодцы предлагали им «делиться» в открытую. Какой рэкет, о чем речь?!

Поначалу Влад Орехов струхнул не на шутку, когда в скверике напротив главного корпуса мединститута его окликнули двое крепко накачанных парней в спортивных костюмах, «чисто конкретно» предложившие познакомиться. На разболтанной «восьмерке» они прокачали притихшего Влада на лоно природы, где под сенью шумящих сосен мало запоминающийся своей внешностью, но обладающий удивительным даром убеждать мужчина средних лет, Орехову представиться не соизволивший, доходчиво прояснил Владу его дальнейшие жизненные задачи.

Дяденьку интересовал круг знакомств Орехова, имущественное положение состоятельных папенок и маменек некоторых его сокурсников и институтских знакомых, в основном, конечно, специализировавшихся по стоматологической части или занявшихся поставками в область лекарств, частным аптечным делом. Адреса квартир благополучных зубных техников и прочих дантистов типа Антона Семеныча Шпака из отечественного кинобестселлера, наличие дефицитных и наркотических лекарственных препаратов, порядок их хранения в больничных аптеках – это тоже интересовало «собеседника» Влада.

Перепуганный Влад излил, захлебываясь от подробностей, немало. Но со своим свежеспеченным «работодателем» пришлось еще раза три пообщаться, прежде чем тот вроде бы полученной информацией удовлетворился. И Влад наконец-то вздохнул с облегчением, наивно полагая, что – все, развязался. Блажен, кто верует!

Хлопчики-качки выцепили Орехова месяц спустя там же, около «альма матер». В салоне знакомой «восьмерки» вручили ему пачку червонцев в банковской упаковке. Тысячу! Усмехаясь, старший из двоицы фамильярно похлопал Влада по плечу и сказал, что «хозяин» его усилиями доволен. На том и расстались. До очередного раза. Теперь звонили домой, вызывали на встречи, каждый раз на новое место. Разговоры были короткие и деловые: какие новые наводки имеет.

Дальше все пошло обыденно: обмен информации на наличку. И к этим наличным Орехов-младший стал привыкать. Помнил и о собственной осмотрительности, даже нравилось играть в эту конспирацию. Добавляло адреналинчику в кровь! А еще с жадным любопытством выискивал на лицах, в настроении и поведении «сданных» сокурсников последствия своих наводок. Только одно угнетало: «гонорар» не возрастал. Общавшаяся с Владом парочка хлопцев, сменивших былую потертую «восьмерку» на новенькую «девятку», новых свиданий с «работодателем» что-то не назначала. И это угнетало.

Глава 2. Демин, 11 ноября 1886 года

Скрутило Дмитрия Прокопьевича. Хвори и болячки прицеплялись и ранее, да справлялся с ними могучий организм таежника играючи. А тут угораздило в воглой одежде полдня до Тунки добираться. И как сподобился провалиться в промоину на перекате горной речушки? Хаживал-перехаживал, а вот, поди ж ты... Дома зазнобило, а к ночи поднялся жар, сдавило грудь. Настена Филипповна супругу баню сготовила, но и после пара облегчения Дмитрий Прокопьевич не почувал. Наоборот, ослаб до дрожи в коленках.

Наутро встать желания не было. Слабость, совершенно для Дмитрия Прокопьевича незнакомая, превратила в старца немощного. Лежал, глядя в беленый потолок, слушал собственное нутро. Ком стоял в груди, подступающий то и дело кашель сухо рвал глотку. Настена Филипповна отвар травяной запарила, поила из кружки, но и к полудню не отлегло, не отхаркивалась хворь, давила.

Отбрыкался, отъездился Сивка пегий?..

Не по себе стало Дмитрию Прокопьевичу от такой думки.

Кому сколь Господом отмерено? Знать бы... Обычно меркой отцы да деды с прадедами служили: ежели в роду каждому из мужиков за седьмой-осьмой десяток переваливало, то и по сыновьям-внукам Господь аршин свой жизненный так же прикладывал. А у него, Митьки Демина, какие мерки по мужичьей родове? Прадеда – деда не знал. Отец рассказывал, что они оба молодыми в тайге сгинули. Да и батяня так же кончил, всего лишь на пятом десятке...

Это что же получается, а? Один он, Митька Демин, по жизни до сей поры в везунчиках?

Да уж, фартило... Когда малыши в бабки бились, собирал с кона навар только по меткости глаза и твердой руке, а не свинчатый битком. Тьфу ты, прости господи, о каком тогдашнем наваре заталдычил: не на медь орленую играли – откель она у деревенских замурзанов! – на те же самые бабки, отполированные руками и временем до блеска благородного.

Хозяйство семейное особым достатком не блистало, но батяня охотником был добрым, ружьецо имел справное, по снегу уверенно бил соболя и белку. Митькины старшие братья, Прокоп и Демид, наловчились силки и петли на зайцев с куницами ставить, а его годков с восьми батяня приобщать к промыслу начал. К четырнадцати летам Митька ростом заметно прибавил, крепкие кости мясом обросли, – стал на равных с отцом и старшими братьями в тайгу хаживать.

Домашние дела правила матушка. С тремя младшими Митькиными сестрами. И четвертую под сердцем носила, когда батяня в очередной раз по чернотропу свое охотничье воинство собрал на соболий промысел. Пошли на привычные уголья, за полсотни верст к северам от родного Курунгуя. Там Большая Анга черную студеную воду несет долго. Самый соболик как раз за Ангой, в кедрках.

Тут лихо и приключилось. Вроде бы и плот привычно сбили, не впервой. На переправу пошли основательно и неторопливо. Но закрутило на стремнине, понесло на гудящие пороги и так хлестануло, что очухался Митька только затемно, в полной заледенелости. Отвел Господь погибель. Повезло... А на другой взгляд, какое, на хрен, везенье, если оказался выброшенным на противоположный берег в задубелой и мокрой до нитки одежде! Даже сереница, тщательно замотанная в вошеную тряпицу и в мешочке кожаном – огневице – за пазухой сберегаемая, пострадала от воды бесповоротно. И что с батей и братьями?..

Никогда больше Митька ничего про них не узнал. Сгинули. Таежному духу на жертвенный дар пошли. Скрыла черная вода Анги эту тайну. Как выбирался из тайги – отдельный рассказ. Благо, бывал уже на угольях, ведал про одно зимовье неподалеку, там согрелся и ожил. Больше недели, на запасах из зимовья, прошаривал речные берега вниз по течению. Но следов батяни и Прокопа с Демой так и не нашлось. Потом сподобился перебраться через Ангу

и возвратиться домой. Лучше б не приходил... Маманя от всех митькиных известий раньше времени разродилась мертвой девчухой, так что не получилось у Митьки четвертой сеструхи. А матушку родовая горячка и кровотечение свели в могилу через сутки. И остался Митька в неполные пятнадцать годков главой рода с тремя сестрами на попечении: десяти, восьми и трех лет.

Благо родни – пол-Курунгуя. Разобрали девок. Двоюродная тетка и Митьку к себе звала, но он уперся. Из родной избы – ни шагу. Дядька Тихон к себе в промысловую «артелю» взял на подхват. А куда Митяю деваться, чем жить да сестрам помогать, – кому лишний рот задарма нужен?

На пятом годе в промысловой тихоновской артели Митька уже совершенно справным охотником заделался. С ружьем и купцом! Знамо, что в общий счет артельщики соболя и белку били, но ружьядь каждый сдавал самолично. У Митяя оказалась твердая рука, а посему зверушек в глаз бил аккуратом, шкурки не портил. Один шустрый приказчик в Качуге митькины шкурки особо выделял, платил щедрее. Дядька Тихон поначалу даже нос задирает, мол, знай наших, а потом переменялся: кривило его, кады «купец» не сыновей тихоновских нахваливало, а более щедро тряс кошелем, двуродного племяху выделяя. Оно так и скатилось к раздрую опосля очередной промысловой поры.

И засел Митька на зиму одиноким волчарой в родительском доме, а по теплу подпер тесовые двери и калитку в воротах, да и подался к тайгу. За теплые месяцы обустроил свое зимовье за Ангой, по осени поднакопил припасов.

И зажил – сам себе хозяин. Оканчивая промысловую пору, появлялся в Курунгуе, сбрасывал сестрам от охотничьих щедрот, а себе оставлял ровно столько, чтобы до следующей соболей поры не бедствовать и с припасом для промысла быть. А куды боле? В охоте везло, чего еще желать? Конечно, большая из сестер, Анюта, перебравшись из девок в бабы замужние, сразу поучающего гонору набрала. Моложе Митьки, а сверлила, как бабка-сводница! «Остепенись, выдь из отшельников, в родителей дом возвратайся и бабу туда приводи, а ежели невест в Курунгуе недобор, так в Малой Тарели молодух хватат с избытком, а уж в Бюрюльке счет и вовсе на десятки идет, особливо кады такой молодец подкатит чин по чину со сватовством...» Но Митька на эти вопли-уговоры, что Анюта кажинный раз заводила, и усом не вел. Трещыт баба – да и пушай трещыт!.. И не задерживался в селении.

Сумеречничая в зимовье за латанием ичиг или попросту глядя на чадящий огонек жировой плошки, думал, конечно, о таком раскладе. Да чё народ смешить – какой он покедова хозяин? Вот кады вослед за Анютой и Таньчу с Марьяной за мужиков пристроит, тады и глянем...

Решилось со временем и с Таньчей, и с Марьяной. Да оборвалось вскорости Митькино везение. Хотя ежели с другого бока глянуть... Гнил бы в землице сырой!

А получилася история еще та!

Вышел из тайги Митрий со знатной добычей. Повез в Качуг соболью ружьядь к приказчику-скупщику, с коим дело имел. Охотного люда там уже немало толкло, бойкие торги шли. Знамо дело, кругорядь и людишек темных крутилось, как гнуса таежного. Энти гаврики на уме одно держали: кусман урвать с ротозея-промысловика, подпоив в кабаке, а то и дубиной по голове шандарахнув или ножичком вострым пырнув. Митрия сия доля покуда обходила, да и на старуху бывает проруха.

В общем, и его черед настал: зашел в трактир к Ерофеичу щец похлепать, а там его ватага пришлых каких-то окружила. Дерзкие людишки, с ножиками и топорами, числом с полдюжины. Ну и разметал их Митрий. Поначалу в кулаки отбивался, а потом, в раже и злобе от подлости такой и порезов, вырвал у одного из татей топор да и расчехлостил ватагу в мясо...

Живот свой спас, но везение завершилось: подоспели полицейские чины и увели Митьку в полицмейстерское присутствие. Э... не так! Сам пошел, дабы все в аккурат по справедливо-

сти и разрешилось, в чем и сумления не имел: и трактирный люд видел всю заваруху, да и других зевак и свидетелёв полно было... Эва-н, губу раскатал! Полицмейстеру-хряку обстоятельный сыск – лишние хлопоты и возня. Все и так, как на блюде: жертвы порубленные в наличии, злодей весь в кровище имеется, да и не отпирается оный.

И оказался через месяц Митрий в кутузке, будущем Александровском центре под Иркутском.

Сия тюремная обитель еще на всю Рассею-матушку черным звоном не гремела, представляя собой каторжный винокурный завод, построенный в 1787 году в большом торговом селе Александровском. И была при нем пересылка – на сахалинскую каторгу, в нерчинские и акаутские каторжные рудники, на страшную амурскую «колесуху», в якутскую ссылку. Держали в части камер подследственных, из простонародья. Летом 1871 года завод закроют. Государь царь-батюшка великий Александр II лично отдаст распоряжение о выделении 90 тысяч рублей «для приспособления зданий упраздненного завода под центральную тюрьму». Каторжная тюрьма будет готова в ноябре 1878 года, рядом в 1889 году построят отдельную пересыльную тюрьму. В этот же год деревянный Александровский централ сторит, но за четыре года трудом каторжан будут отстроены уже каменные корпуса, в которых оборудуют 37 общих и 21 одиночную камеры – на 1100 «посадочных мест». Это будет, а пока – кутузка бревенчатая за частоколом из бревен.

Суд был нескорым, но дюже суровым: пятнадцать годков каторжных работ отвалили убивцу пятерых людишек!

Так зимой 1863 года тридцатичетырехлетний Дмитрий оказался в пересыльном каземате. Тянуть каторжную лямку предстояло ему на далеком и неведомом Сахалине-острове. Места, как поговаривали, жуткие и гиблые. А у Дмитрия полный бунт внутри – это как же такой оборот-то?! Жисть свою от лиходеев спасал, а вышло – убивец! Подсахарили, небось, лапки полицмейстерам тайные верховоды тех лихих людишек; раздели, чай, барынь-боярынь жен судейских чинов в соболиные шубейки! Вот оно и сложилось сикось-накось для него, Митрия! Бушевала лютая злоба внутри, да хоть забушуйся – забор высокий, решетки крепки, штыков полон двор...

Но оказался в пересыльном каземате юркий мужичок, из цыган бродяжих. Поговаривали, полюбовницу зарезал, заодно прихватив ножичком другого ее дружка, каковой, стало быть, цыгану полной помехой был. И каторжный срок заработал ревнивец не меньше митькиного.

Вот этот шустрый цыганок и начал подбивать народец в каземате на побег. Дескать, самый удобный случай сорваться, – как на этап команда грянет, пока поначалу в сборах нескладуха-неразбериха катавасится и еще не навесили по рукам-ногам цепей железных. И еще-де пора самая удобная – зима.

«Дурень! Летом тайга-кормилица укроет, а зимой – зверь-шатун, ты и боле никто...». Это ему и Митрий и другие мужики говорили, а цыган поднимал к низкому бревенчатому своду каземата тонкий грязный палец, загадочно качал головой и, щерясь, гуторил в ответ: «От дурней слышу! Ежели на юга в тайгу и сопки пойти, то ищейки след потеряют. Оне где беглецов обычно рыщут? Там, где люд обустроился! А в Саянских горах не в жисть не дотумкают искать, потому как дороженька туда – справедливо, мужики, гуторите! – на верну погибель. Так-то оно так, да не так! Дичи полно непуганой, а если с нехитрым запасом пойти, то и вовсе лепота, полный фарт!»

И сговорил семерых. Дмитрий оказался в их числе, потому как горбатиться на каторге не собирався, убежденный в своей невинности, а злость от содеянного над ним судилища и вовсе разум затмила.

Под «нехитрым запасом», как оказалось, цыган-заводила подразумевал дело тяжкое, хотя чего терять каторжным варнакам! Зарезали цыган и его дружки под студеное утро двух конвойных солдатиков, заимев пару ружей штуцерных, пороховой и свинцовый припас к ним, две

котомки со снедью. И у самих беглецов кое-что имелось: пайка, что на этап арестантам до первого станowego харчевания выдана была. Тут тюремное начальство промашку дало. Надоть было в кандалы сперва заковать, а после хлеб и желтое сало старшому выдавать. А может, в нарочь так поступило: жратвой арестантов не баловали, вот и пушай на дорогу сил прибавят, а кто уж на тракте обессилит... Не судьба!

Бряцая увесистыми штуцерами, в предрассветной темноте ломанулась лосями семерка отчаянных по льду через Ангару, на левый берег, а потом заснеженной долиной – вверх по Китою на юго-запад, нацелясь на глухомань Восточных Саян.

По свежим следам пошла конная погоня, стала наступать. И понесли беглые первые потери: застрелили стражники двоих арестантов за Одинском. Остальных, скорее всего, ожидала та же участь, потому как за двух зарезанных конвойных солдатиков пощады не жди!

Но закружил седой хиус бешеную метель, и оторвались пятеро беглецов от конного храпа погони в таежных распадках...

Тяжело дышится Дмитрию Прокопьевичу, не отпускают тиски, грудь сдавившие. Вот, ведь, чертова промоина! Как проглядел? Ладно бы по первопутку тайгу топтал... Тот шустрый цыган, что из централа их на побег подбил, тайги вообще не знал. Так же ухнул на горном ручье в промоину. А там вода живая и яростная – снаружи и не подумаешь, как под ледяным настом поток несет! Наступил цыган на ледяной пузырь, – трах-бабах! – и враз затянуло под лед. И оставшаяся троица, как узрел он, Митрий, враз сомлела в испуге. А чё не сомлеть? И по горным осыпям не ходоки, и страх перед тайгой обуял. Мол, чего на края лезть, ежели в богом забытом поселении, особливо где старательские людишки кучкуются, можно пристроиться. Там никакой царевой властью и не пахнет. Так-то оно так. Власть и в сам деле эти старательские поселения стороной обходит, потому как народец старателей – отчаянный, уркаганский. А песка золотого намоет такой субчик – куда понесет? То-то и оно! В государеву скупку, к купцу али же в кабак с лавкой. Вот где караулить надо! А на старательском поселении пушай оный люд сам разбирается: ежели кого и подцепят на нож-перо – Бог дал, Бог взял...

Махнул Митрий на забузивших – вольному воля. Так и расстались – троица в сторону Ходаря подалась, а Митрий – на юг, к Саянским горам.

Было, было желание жгучее, душу выворачивающее, тож пойти к людскому теплу... Но как подумал обо всей той шушере, что вокруг приисков кучкуется, из-за которых и загремел на кичу... Ан нет, лучше в тайгу родимую, а родная она не только на Анге. И Саянские края – тож.

Так по Китою вверх и ушел в одиночку на западную оконечность Тункинских гольцов. Еще в Качуге братва охотничья рассказывала, что места эти зверем и птицей богатые, прокормиться можно, кады навыв имешь. А этого у Митрия было вдосталь. Конечно, оставшийся штуцер (второй вместе с цыганом под лед ушел) за собой оставил, как и припас к нему. Отделившаяся троица не бузила – отнесли с понятием: человеку в тайгу, да в одиночку... Да и чего зариться на казенное ружьецо, кады за него, не дай бог, при поимке так спросят, что не только спина лопнет, но и шея от веревки. А без этого «нехитрого запаса» учини-ка, попробуй, сыск: я не я...

Долго ли, коротко ли, но выбрал Митрий на известковые пещеры по левому берегу Китою. Намыло туточки подземными водами очень даже интересные и большущие норы, почитай, больше десятка. Одна-то и вовсе – дворец подземный, хоть терем в три яруса в ней устраивай! Но Митрий выбрал норку поменее и понезаметнее. С хитрым устройством! Это ж как природа изловчилась: лаз в нору-пещеру в густых кустах – кады б не зима, вовек не отрыщешь. Да и лаз непростой: туда – юрк, а дале ползи-забирайся вверх, только опосля откроется сама грот-пещера. Снаружи мороз трещит, но холод-то тяжелый – по лазу не подыматся, оттого в гроте даже ноги не стынют, ночевать вполне сносно. Даже костерок помаленьку можно разложить – кака-то тяга есть кверху, через трещины...

И прожил в этой пещере он три зимы. Сколь бы еще сподобился... А чё не жить? Охота знатная, рыбалка опять же богатая. Когда припасы к штуцеру иссякли, обмазал ружье звериным жиром, замотал в шкуру козью и в уголке своей пещерки закопал-заховал. Стал с луком-стрелами промышлять, петли-силки ставить на дичину. Думки в голове копошились, что не век же лесным духом по тайге шастать, но не спешил. Второй раз попасть в острог желанья не было. Это еще удачливо с кутузкой вышло. Ежели б на этап в кандалы заковали... Не дурак оказался тот цыган, царствие ему небесное, хотя душа у цыгана безбожная, воровская, мятежная...

А куда его, Митрия, душа попадет? Тоже, небось, не на небеса. В адовом котле кипеть ему, хотя и не взял тады, при побеге, греха на душу с солдатами конвойными. А дале-то как жил? В оммане, аки в тумане. Полная кривда кругорядь выходит...

Осенью 1866 года Дмитрий вышел из китойской чащи с котомкой, набитой золотыми самородками. На Аршан вышел, а потом в селение Тунка подался. Люда там поболее, не так заметен пришелец. Золото в тайге – камень. Ценности никакой. Но и отшельничать при золоте, кормясь с охоты, когда приближаешься к сороковнику – не по уму расклад.

Зацепился за одну молодку вдовую в Тунке, Настену. Местный староста, страсть какой охочий до огненного зелья, был вдове Настене Филипповне довольно близким сродственником. Узрел мужичка справного, добытчика таежного, который и по золотишку удачливым оказался, да за увесистый камушек желтенький в списках поселенских деминскую фамилию намарал на одной из замусоленных страниц так ловко, как будто бы Митрий Демин вообще – тункинский сто лет в обед.

Деминым Митрий сам обозвался, чтобы напрочь судейско-сысканой дух отбить. Покойной матушки в память Деминым стал, не с небес прозвание такое притянул. А хто дознаваться станет? Бабы соседские и те – языками потрепали-потрепали, настениному счастью в завидки, да и завяли вскорости. А чё трендеть: мужик как мужик Настене достался, не лиходей, хозяйственный. И силу мужскую имеет, не в пример покойному Архипу, за которым Настена была. Тот зачах от пьянства горького, даже на потомство мочь-силушку пропил, а с Митрием у Настены через год – малец-удалец, Прокопом крестили. Как батяню со старшим братухой кликали, царствие им небесное... В память о них, сердешных... Кады на третьем годе после Прокоши Настена разрешилась от бремени вторым мальцом, то память продолжил – Демидом окрестил. Ниче парняги вымахали, как и Митрины брательники, – упокой, Господи, их души! – крепкие, в широкую батянину кость...

Печет в груди. А слабость уж до пальцев добралась. Сводит судорога-лихоманка, а ведь еще третьего дни мог медный пятак на спор согнуть в щепоти... Горько стало Дмитрию Прокопьевичу. Эва, накость-выкуси, Митька-везунчик! Отворачивается фарт-удача... А когда заветную Золотую Чашу нашел, – разом все, что до этого мига гнуло и корежило в жизни, спинуло-запропастилось! Так для себя и назвал втайне – Золотая Чаша!.. Нагреб тогда самородков в озерце-плошке больше пуда! И потом еще, уже Деминым обзываясь, проведовал Золотую Чашу дважды. Посему и не знали они с Настеной нищеты, хотя и не выпячивал он шибко свой фарт. А так, мал-мало. Дескать, по таежным ручьям – там удача мигнет, здесь лешак подмогнет, по-доброму. Хоронил запас: Настене, ежели што с ним приключится, и сынам на проживу... Настена знат, где желтые камушки в запасе-мешочке схоронены. А путь-дорога к Золотой Чаше у Дмитрия Прокопьевича на кожаном свитке прочерчена, кабаржиной кровичей в энтот кожаный лоскут вдублена. Это еще тады чоркал, впервой выходя от места золотого, волшебного.

А жилу, граниты черных скал прорезавшую, и не колупал ни разу. Вода – вот сила-силушка! Сама сколь надо отломит, да в озерцо сбросит. Там и подбирал, как и в первом разе.

А только больше не пойдет. Даже ежли и встанет после лихоманки энтой. Только встанет ли... Но не в энтом загвозка, не в энтом...

Привила тайга Дмитрию Прокопьевичу звериный нюх, а он не обманет! Вот в последнее свидание с Золотой Чашей так и торкнуло што-то! Как почуял кого. Ажно озноб меж лопатками прокатился! Будто сверлит взгляд, чужой и недобрый...

Заночевал тады привычно в пещерке своей затаенной, тремя зимами обжитой, а наутро, кады из норы вылезал, – сверху камня осыпались, чудом увернулся! И то ль с испуга пригрезилось, а то ли наяву... Черный воин стоял на скале, огромный лук натягивал. Кабы не оступился да не скатился по осыпи в кусты... Опосля чесал оттеля без продыха, пока дымки Тунки не показались...

Заскрипела дверь за занавеской. Дмитрий Прокопьевич с трудом голову навстречь повернул. Младший, Демид, крепень шестнадцати годков, остороженько в щель у косяка позыркивает, боится батяню хворого потревожить. Эх-ма, слабина чертова в нутренностях! Отбрыкался Сивка...

– Демча, не хоронись за тряпкой, чево оробел? – Совсем струны в голосе нет, шелест какой-то.

– Да я, батя, попроведать...

– Ты, Демча, это... Прошку кликни и с ним вертайся. Слово у меня до вас...

Сорвался Демча прочь из избы, только занавеска вспорхнула.

Тяжело поднялся Дмитрий Прокопьевич с лежанки, горница качнулась под непослушными, ослабевшими ногами, в глазах помутнело. А в груди огонь распалился пуще прежнего, и рванул кашель всю нутрину так, что только и хватило сил два шага сделать. Кедром срубленным ухнул на лавку под окошком! С кухонной половины испуганно кинулась Настена Филипповна:

– Чой-то удумал! Чево поднялся? В покое надобно пролежать...

– Ты энто... Настена... Кха-ха-ха-а! – Свернуло на лавке бараньим рогом Дмитрия Прокопьевича. – Кха-ах-х!

Настена Филипповна кружку с отваром поднесла, а ему бы воздуха легкого, смолистого, из кедровника. Затопали в сенях, бухнула дверь. Сыны на пороге. Негоже им хворь отцову зреть. Сел на лавке, старшому прохрипел:

– Пошарь под плахой оконной, в углу... Свиток кожаный... Кха-ах-х!

Прошка, чубатый, русоволосый, с батей схожий шибко, под окошко нагнулся, засопел.

– Ну-у!

– Щас, батя, щас...

Вытащил удивленно почерневшую трубочку кожи. Развернуть хотел, но поостерегся, отцу протянул. А Дмитрий Прокопьевич, кашель задавивши, ничего с дрожью в руках поделать не может, так и колотится в черных пальцах свиток с еле различимыми каракулями – чертеж пути к Золотой Чаше.

– Проша... Демча... Настена... Энто оно самое и есть...

– Об чем ты, Митрий Прокопыч, приляг лучше, – опустилась рядом на лавку супружница верная, кружку с отваром в губы тычет.

– Отстань, мать... Не буду я энто вареву, не помогат... Печет в нутрях, Настенушка... Кха-х-ха-х! Вы... энто... сами всё...

И – повалился с лавки на пол, еле его Прокоп с Демой подхватить успели. Сволокли на лежанку. А Настена Филипповна в холодной воде тряпицу смочила обильно и лоб ему окутала. Села в ноги, долго слушала хрипы, потом подняла глаза на притихших и напуганных сыновей:

– Вроде заснул...

Осторожно ступая, вышли домочадцы за занавеску, склонились у окошка над кожаным свитком. Стрелки, завитушки, а еще как будто горные пики, ленточки какие-то начерчены – то

ли тропы лесные, то ли речки, а кривые буквицы и вовсе не разобрать. И как разберешь, ежели Настена Филипповна и сыны сроду грамоте не обучались, только счетом помалу овладели, дабы приказчики лабазные не дурили при покупках припасов...

Могучий организм Дмитрия Прокопьевича боролся с хворью еще шестнадцать дней. А потом Демина-старшего домочадцы свезли на маленький погост на взгорке за Тункой.

Отплакав, Настена Филипповна поведала сыновьям все, что рассказывал ей ночами, возвращаясь от Золотой Чаши, Дмитрий Прокопьевич. У парней глаза-то разгорелись! Особенно младшой, Демидка, заелозил: давай старшего подбивать на поход в Тункинские гольцы. А там, что, столбовая дорога проложена?! Грудью встала Настена Филипповна на пороге – не пущу! Отца ране времени эти гольцы в могилу свели, не пущу!

Отступились парнишки от матери, но думки свои не оставили. Да еще у Демидки язык – что помело! Приятелю нашептал про поход за поживой! Прокоп ему тумачков-то повесил, да впрок ли? Это ж, почитай, сорока уже на хвосте по четырем сторонам понесла... Хотя кого в Тунке да и во всей округе байками про золото удивишь – нет-нет да и попадались таежным ходокам желтенькие камушки на перекатах и в неглубоких ямках-уловах бесчисленного множества речонок и ручьев, катившихся с горных кряжей.

На шестом годе с кончины Дмитрия Прокопьевича, весной 1892-го, схоронили Прокоп и Демид рядом с отцом и мать.

А дом-то она все ж таки держала: в хмельной разгул ударились осиротевшие Демины-младшие, быстро и бестолково просадили в пьяном кураже родительскую заначку, за пару лет умудрились напрочь содержимое золотого батиного мешочка прогулять. Опосля чего Демид сызнова разговоры затеял о походе в Тункинские гольцы.

А чево в избе сидеть! Кумекали братья над батиндой картой, кумекали... Да только мало это помогло. Связать матеревы рассказы с загадочной картой никак не получалось.

И двинули в тайгу на арапа! Добре поплутали. Вроде бы весь Китой, чуть ли не до истока, да и Китой-Кин, прошарили-облазили, а толку никакого! Перекинулись на Шумак, прокарабкались по петлям троп к верховьям – без толку! Водопады не раз встречались, да только не такие, как мать сказывала. И батин чертеж под них никаким боком не подходил. Но упорно лазили по китойским притокам, гробя на каменных осыпях латаную-перелатаную обутку.

Пожалуй, молодецкой удали еще бы на месячишко хватило, хотя дело шло к концу лета, ночами уже заморозок прихватывал ощутимо. Но в один темный вечерок, когда Прокоп с Демидом расположились на ночлег, нарубив пихтовых лап для лежки и запарив чаю в мятом медном котелке, произошло настолько напугавшее их событие, что вся старательская охота была отбита напрочь.

Сидели сумрачно у костерка, молчаливые от накопившейся за день усталости и беспросветности поисков, прихлебывали чай с сухарями. И вдруг прямо в середину огнища, вздыбив взрыв искр и углей, ударила черная, тяжелая и длинная стрела. А следом – жуткий крик откуда-то сверху, с нависавшей кручи: «О-о-оу-у!!!»

До-ол-го еще он дробился по распадкам гулким ночным эхом.

А братья, подхватив пожитки, ломанулись сквозь чепурник подале от костра со стрелой. Когда окончательно задохнулись от ночного драпа, на землю упали. Отдышались да ушами водили, глазами хлопая в темень. Опосля только мороз снова прочуяли, да и то не сразу; по новой огонь распалили.

До рассвета тряслись братья с глазами больше плошек, стуча зубами от страха и ночного морозца. Костер не грел, голод не томил! С самого утра, когда кусты различаться стали, кратчайшей дорогой подались домой. Спешили, путей не разбирали: у деревеньки Талой чуть в болотине не утопли, хотя раньше над чужими в таком случае позубоскалили бы вдосталь.

И – всё! Более на золотопоиски батиной сокровищницы – ни ногой.

Но и другим делом всерьез не занялись, нанимались от случая к случаю к зажиточным селянам на разные работы. Вот и все заработки.

И глушили самогон да брагу, как денежка заводилась или можно было кабатчику чего-то из барахла снести. В избе – грязь, сор и голым-голо. Родня по матери на непутевых рукой махнула: парни молодые, а видом – старики морщинистые и квелые.

Так и спились бы Демины, кабы не случилась для них внезапная перемена со стороны.

Глава 3. Орехов, 8 марта 1991 года

Родители наконец-то сподобились навестить родню в Иркутске. И на 8 марта Влад остался полновластным хозяином в квартире. Утром позвонил в Иркутск, поздравил ма и тетку, наслушался ценных советов по домоводству. Ага, делать ему больше нечего! Сегодня на кухне управляться девочкам: пару дней назад обговорили с Олегом справить праздник в непринужденной обстановке на квартире Ореховых. Двумя парами: он с Татьяной и Олег с Леной.

У Олега поначалу была мыслишка познакомить Лену в этот день со своими, но Влад расхвастался новейшей японской видеосистемой, которую пробивная Элеонора Львовна выкрутила «где надо» по смехотворной, на взгляд сына, цене в три с половиной «куска». Видак у Влада, конечно, и до этого имелся, но куда кондовой «Электронике» соперничать с «Панасоником»! К тому же, на просмотр предлагался новейший фильм, напичканный обалденными, как сказали Владу, спецэффектами, – «Терминатор» с Арнольдом Шварценеггером в главной роли.

За несколько минут до прихода приятеля с девочками Влад достал из секретера коробочку с пилюлями, подбросил одну в ладони и закинул в рот. На спиртное Влад был слаб, быстро косел, превращаясь в слюнявого и сонного бормоталу. Перед Татьяной и, особенно, Олегом выглядеть так не хотелось. О пилюльках для сына тоже позаботилась Элеонора Львовна. Что и говорить, ма его имидж блюла! Влад проглотил еще одну, для гарантии. И тут же запиликал дверной звонок: гости явились.

Вечерок получился на славу! Влад верховодил за столом, сыпал анекдотами и цветистыми тостами. Олег не отставал: вспоминал школьные курьезы и армейские приколы, потом взялся за гитару. Мальчики потягивали коньячок, девочки – шампанское.

Влад с удовольствием заметил, что приятель несколько «поплыл», что Лене не понравилось. А Владу, наоборот, подняло настроение, избавляя от нарастающего раздражения: ишь, полностью завладел вниманием прекрасного пола со своими песнями, бард доморощенный! Некоторое время они еще посидели за столом. Но желание окончательно «умыть» компанию Влада так и скребло.

– Леди и джентльмены! Предлагаю торжественно открыть наш приватный видеосалон! Вашему вниманию предлагается супербоевик Голливуда, который в нашей отсталой провинции пока в широкий видеопрокат не вышел! – пафосно объявил Влад, размахивая дистанционным пультом от видеосистемы. – Только для дорогих гостей и, в первую очередь, – прекрасных дам! На лучшей японской аппаратуре! Плиз, господа!..

Замерцал экран, гнусавый закадровый голос переводчика заполнил комнату. Влад снисходительно поглядывал на гостей, ожидая восторженных оценок импортной техники, но крутая фантастика полностью захватила их внимание. Влада это неприятно покорило. Хотелось восторга в свой адрес, а они в экран уставились, бараны! Раздражение опять засочилось, как течь в дырявой лодке. Влад критически ткнул пультом в сторону телевизора:

– Ну и накрутили! Не жалеют своих американских рубликов, чтобы всякую лабуду пиплу впаривать! Сюжет – дешевка, а кассу-то нехилую снимут. И расходы все окупят, и баксов себе наварят выше крыши! Вот так надо деньги делать!.. Из говна – конфетку...

– Влад! – укоризненно посмотрела на него Татьяна.

– А мне страшно, – подала голос Лена. – Вот вышел бы такой робот-убийца у нас на улицу, со своим жутким оружием...

– Ха-ха, да это же сказка, деточка! Трюки киношные! – засмеялся Влад. – Ни киборгов таких, ни пушек этих...

– Не, оружие вполне реальное, – неожиданно, даже для самого себя, влез Олег.

– Ты, старик, парень у нас, конечно, боевой, в Афгане порошу понюхал, – с ехидцей произнес Влад, – но тут явно загибаешь...

Олег решительно мотнул головой и ткнул пальцем в экран:

– Смотри сюда, салага! Вот самый что ни на есть стандартный кольт. У американцев на вооружении. Сорок пятый калибр. У него пуля, как желудь...

– О-о-о, все-то ты знаешь! Спец! – Влад не унимался, выплескивая накопившееся раздражение. – Ну, был ты там, автоматом Калашникова вооруженный. Нашим, совковским...

– АКМ – машинка что надо! Сам ты совок! – разгорячился Олег. – Одно дело – автомат, а другое – пистолет. Уж на что наш «стечкин» – добрый ствол, но кольт...

– Прямо оружейник Просперо! – продолжал подначивать Влад. – Что ты его – в руках держал, сравнивал?..

– Держал! И сейчас подержать могу...

Олег тут же осекся, мигом протрезвев.

– Мальчики, не мешайте смотреть! – Татьяна демонстративно двинулась с креслом вперед.

Олег внимательно посмотрел на Влада, но тот, повернувшись к столу, с аккуратностью прилично выпившего человека наполнял бокалы вином из высокой заграничной бутылки. Слизнул каплю с горлышка и щелкнул пальцами:

– А давайте по чуть-чуть за «хэппи-энд»!

«По-моему, ни он не врубился, ни девчонки», – уже успокоенно подумалось Олегу. Да и вообще пьяная болтовня есть пьяная болтовня. К тому же сюжет на экране разворачивался все круче и круче, а щеку щекотали локоны любимой девушки.

Влад скосил глаза на приятеля. И сейчас, значит, может... Интересненько!..

Капитан Писаренко демонстративно поморщился от сигаретного запаха, пропитавшего тесный кабинет. СВ в ответ посмотрела на Диму с легким презрением. А может, ему только показалось? Нет, решительно, СВ – заикленный на своей работе сухарь! Дима в который раз утвердился в этом своем мнении, тут же проникаясь стыдом. Ишь, как заклеимил, со всей нетерпимостью отвергнутого ухажера.

– Присаживайтесь, товарищ Писаренко. Чем порадуете?

Порадовать непрístupную Светочку Васильевну Диме было абсолютно нечем. Розыск по делу об убийстве Портнягина все отчетливее превращался в историю про иголку и громадный стог сена, причем действие оной истории разворачивалось в условиях ограниченной видимости. Иголку искал то ли слепой дядя глухой ночью, то ли ежик в тумане.

В минувшую субботу, после планерки у начальника угрозыска УВД, жизнь опера Писаренко заметно пошла на конус: от прессинга, устроенного не выбиравшим выражения полковником, в зобу дыханье сперло. А чего в ответ молодежато гаркнешь? Прошептать-то нечего. Дело об убийстве не просто буксовало. К субботе оно перешло в иную ипостась, которая уже была на слуху в Москве, в ГУУР МВД. Московские кураторы раскаляли телефоны областного управления. И было от чего. К фамилии погибшего Портнягина присовокупилась еще одна.

– Давайте-ка, Дмитрий Сергеевич, все-таки подытожим, что мы имеем, – прервала СВ невеселые раздумья Димы. «Не мы имеем, а нас», – автоматически, и, понятно, не вслух, поправил ее Дима, доставая из внутреннего кармана пухлую записную книжку:

– Значится, так... Установлено достаточно точно, что убийство Портнягина совершено в среду, 31 июля, между восемнадцатью и девятнадцатью часами. Убийц было несколько, скорее всего, трое. По крайней мере, на вокзале в Дарасуне видели троих мужчин, приехавших на вишневых «жигулях» в среду вечером. Где подозреваемые сели в машину к Портнягину, пока не установлено, но, скорее всего, на выезде из города или в пригороде – Антипихе или в Песчанке. То есть они были уверены, что Портнягин едет за город.

– Им была нужна машина.
– Да. Побыстрее добраться до Дарасуна, к последней электричке из Карымской на Читу.
– Вы полагаете, что они следили за Лоскутниковым от Дарасуна?
– Это к маме не ходи! Ой, извините, Светлана Васильевна, – смутился Дима.
– Давайте еще раз выстроим предполагаемую последовательность действий убийц.
– Значится, так. Они остановили машину Портнягина и попросились до Дарасуна. Вряд ли он на это согласился, если ехал к себе на дачу...

– Но нельзя исключить, что его могли уговорить подбросить в Дарасун, предложив хорошую оплату.

– Можно исключить, – решительно возразил Писаренко. – Тогда какой смысл вешать на себя труп?

– Лишний свидетель.

– А кто бы связал поездку трех мужиков в Дарасун с убийством на Чите-первой?

– Хм, логично, – порозовела СВ. Дима едва сдержался, чтобы торжествующе не ухмыльнуться.

– Думаю, Светлана Васильевна, что сразу попутчики разговор с Портнягиным о поездке в Дарасун не заводили. Просто попросили подбросить сколько можно по трассе. А потом, видимо, решили, что рисковать с другими попутками не стоит. Вполне вероятно, предложили Портнягину довезти их до конца, в Дарасун, а он не согласился. Вот тогда они и заставили его за Никишихой свернуть в лес. Там и убили. Потом снова выехали на трассу и двинули дальше. Как показал водитель «КамАЗа», который видел вишневые «жигули», выезжавшие у Никишихи из леса, было это ближе к девятнадцати часам. Там, в лесу, скорее всего, осталась и гильза. Вряд ли убийцы ее подобрали. А где искать – кто его знает... Сколько они по лесной дороге проехали... Труп из салона перетащили в багажник...

– Но зачем они повезли труп с собой? Такая улика!

– Вероятно, побоялись у речки оставить. Там же, Светлана Васильевна, сами знаете, – излюбленное место для пикничков. И парочки туда частенько заезжают, чтобы уединиться.

Последние слова Дима произнес столь многозначительно, что тут же встретил пристальный взгляд СВ. Наступила его очередь розоветь. Торопливо продолжил:

– Свернуть к Никишихе и вырливаться оттуда – для кого угодно картина самая заурядная. Две-три машины почти всегда то там, то сям можно у речки увидеть. Углубились в лес, убили. Но труп оставить не могли: как бы кто неожиданно и быстро на него не наткнулся. Тогда на трассе, в Новой, Маккавеево и на въезде в Дарасун наши, по плану «Перехват», стали бы машины шерстить. Вот они труп и довезли до отворота на кручининские дачи.

– Но в этом-то какая логика, Дмитрий Сергеевич? Допускаю, что во время разговора в машине преступники вполне могли узнать, где у Портнягина дача. Зачем же им светиться там? Ведь могли встретиться соседи погибшего, узнать его машину. А в ней – чужие люди. Мистика какая-то получается...

– Никакой тут мистики. Проза жизни, а, вернее, – трезвый расчет. Убийцы сознательно свернули с трассы у дачного массива. И от трупа там избавились, что можно расценить двояко: или бандитская бравада, что маловероятно, или случайное стечение обстоятельств. Думаю, второе. Потому что им была нужна старая лесовозная дорога, в которую грунтовка за дачами переходит.

Алейникова удивленно приподняла брови.

– Они оба поселка – и Кручину, и Новую – по лесовозным дорогам объехали, – пояснил Дима. – Опасались на гаишников в поселках налететь. ГАИ на въезде в Новую зачастую пост выставляет. Это учли и, конечно, знали, что объездной путь имеется. Кстати, тоже зацепка: кто-то из убийц местный. И только за Маккавеево снова вернулись на трассу. Ну а там до Дарасуна – рукой подать.

– Столько суеты, чтобы проехаться на электричке до Читы! – Алейникова, вздохнув, прикрыла глаза и длинными пальцами с безукоризненным маникюром начала массировать виски.

Диме стало искренне жаль СВ. Впервые за столом напротив он увидел не холодную и недоступную красоту зацикленной на служебных делах «следовательши», а смертельно усталую и замороженную ворохом расследуемых дел молодую женщину.

До этой минуты Дима если и сочувствовал, то себе любимому. Убийство – компетенция прокурорская, но саврасками-то опера из уголовки бегают! Убийство Портнягина и так выливалось в откровенный «висяк», а с обнаружением второго трупа, Лоскутникова... Капитан Писаренко обреченно подумал, что теперь они с СВ – неплохая парочка для битья. Костерок уныния, потрескивая, начинал набирать мощь, что, конечно, мужика и опера не красило, но что уж тут поделывать.

Однако Дима никогда не относился к пессимистам. Он решительно «затоптал» костерок в душе, отнеся сие «возгорание» к минутной слабости, порожденной жалостливым порывом в отношении предмета своего мужского обожания. Что это действительно была минутная слабость, подтвердил и тот очевидный и непреложный факт, что в кошмарных условиях полной темноты по делу, помноженной на начальственный прессинг, он, капитан Писаренко, не поддался соблазну успокоить растрепанность собственной психики самым удобным и крайне желательным способом. Это, в смысле, достать решительно и... закурить. Кому сигаретная пачка не жгла карман?

Да, пачку «Опала» Дима всегда таскал с собой. Ему нравилось угощать «вечных стрелков», тут же нарочито равнодушно отвечая на закономерные вопросы: мол, бросил и не тянет. А при опросе потерпевших, свидетелей, допросах подозреваемых сигарета – известное дело – классический прием для разговора, близкого к искреннему.

Светлану Васильевну, как надеялся Дима, позыв усталости и апатии тоже отпустил, поэтому он продолжил излагать следователю детали второго преступления и свои умозаключения по этому поводу. В кратком и последовательном изложении картина была такова.

На «жигулях» Портнягина преступники добрались до станции Дарасун, где сели в последнюю электричку, следовавшую в среду из Карымской в Читу. Они проехали на электропоезде до конечной станции Чита-первая. И вскоре, между 23.00 и 23.30, неподалеку от вокзала, выстрелом в упор убили гражданина Лоскутникова Александра Петровича.

Убийцы проволокли труп через дыру в заборе на стройку, засунули в одно из валявшихся здесь бетонных колец, набросав сверху куски рубероида и рваные бумажные мешки из-под цемента. Позже нашлись свидетели, слышавшие в это время выстрел в районе привокзальной стройки. Здесь и был в субботу обнаружен труп с огнестрельным ранением. Наткнулись на тело мальчишки, игравшие на стройке в субботу в «войнушку».

Другими словами, тело убитого и сам факт убийства обнаружили только через двое с половиной суток с момента совершения преступления. Паспорт убитого преспокойно лежал в кармане его брюк.

Погибший Александр Петрович Лоскутников являлся заместителем председателя строительного кооператива «Домстрой», который имел объекты на станциях Карымской и Новой. Помимо Новой, по ходу «железки» от Дарасуна к Чите, интерес представляли еще два поселка. В Атамановке у Лоскутникова жили родители, а в Антипихе – приятель.

В общем, движение Лоскутникова из Дарасуна содержало для убийц элемент непредсказуемости. Мало ли какая шлея могла попасть под хвост Александру Петровичу, тем более, что погудеть в приятельской компашке он был не дурак. Мог сойти в Новой – там, вполне вероятно, организовался бы и стол, и кров. К родителям заглянуть или к приятелю...

Да и вообще... Стоило только Лоскутникову податься на вольные кооперативные хлеба, как образ его жизни изменился кардинально. Поначалу это обстоятельство дражайшую половину Александра Петровича злило и бесило. А какой жене понравится? Вечерами постоянно

где-то пропадает, возвращается крепко подшофе... Но когда муженек стал приносить домой втрое больше, чем он получал на своей бывшей казенной должности, мадам Лоскутникова махнула на него рукой. Если ее порой что-то и встряхивало, так только чисто женские подозрения: с одними мужиками благоверный глушит водку или и бабы там?

Но на этот раз возвращение затянулось, а через сутки породило вполне обоснованную тревогу. Дело в том, что вечером в четверг Лоскутниковым домой позвонил Дынин, председатель этого самого кооператива «Домстрой». Мол, где Петрович? А в субботу все самое худшее подтвердилось. Лоскутникова и Дынин опознали найденный на стройке труп.

Дело об убийстве Лоскутникова недолго пребывало в прокуратуре Железнодорожного района. Вскоре оно перекочевало на стол Светланы Васильевны Алейниковой, а следовательно, озаботило и капитана Писаренко. Нетрудно догадаться, почему. Да, заключение экспертизы гласило: пуля, извлеченная из тела Лоскутникова, идентична той, которой был убит хозяин вишневых «жигулей» Портнягин. «Ствол» был один, тот самый, чертов «кольт-45».

Объявления по радио и телевидению с просьбой сообщить, кому что известно, большого результата не дали. Только информация водителя «КамАЗа», встретившего вишневую «копейку», выворачивавшую от Никишихи, да свидетельства о выстреле у привокзальной стройки. Правда, ребята из Железнодорожного РОВД, два дня лопатившие место предполагаемого убийства Лоскутникова, нашли-таки гильзу. От штатного «кольтовского» патрона 45 АКП.

В сообщениях прессы, взбудораживших читинского обывателя, понятное дело, про марку пистолета не было ни строчки. Сие решили не обнародовать: американское изделие, в силу своей экзотики для Забайкалья, стало предметом особой головной боли и для тех, кто занимался, как пишут в газетах, «борьбой с мафией».

Но не загадочные коллеги из «конторы глубинного бурения», не гордые и бесцеремонные ребята из 6-го отдела родного УВД, а именно он, капитан Писаренко, нашел, перебрав больше половины водил из таксопарка, того таксиста, который в среду 31 июля, около полуночи (время совпадало!), посадил на Чите-1, у путепровода, трех молодых парней. Троице надо было в Северный микрорайон. Двойную таксу вперед дали, а то бы и не поехал: обратно, гарантия – порожняком гнать.

Таксист показал, что один пассажир сошел у метеостанции, а двое других – на конечной остановке маршрутного такси в Северном. Но внешность описал довольно скупо. Мол, такие накачанные хлопцы, молчавшие всю дорогу. Только один раз самый здоровый из них назвал другого Аликом. Черного такого, кавказской внешности. «Здоровый» и «кавказец», по словам таксиста, ехали до конца. А тот, который сошел по пути, у метеостанции, – внешности обычной, светловолосый, чуть повыше среднего роста. Вся троица была в джинсах-«варенках». Тот, который Алик, – в такой же куртяшке на майку, другие двое – в черных куртках-косухах и белых футболках. Спиртным не пахло, в салоне не курили. Узнает, если вновь встретит? Вряд ли, не днем же дело было...

В общем, получался у Димы такой расклад. На карымскую электричку троица села в Дарасуне для того, чтобы наверняка «выпасти» Лоскутникова. Предполагали, что может он сойти в Новой, в Атамановке или в Антипихе. Значит, немало им было известно про Лоскутникова. А он поехал домой, потому и до конечной. С вокзала пошел наверх, на проспект Советов. От забора привокзальной стройки до пятиэтажки, где жили Лоскутниковы, метров четыреста. Вот так.

Выходило, что концы следует искать среди работников кооператива «Домстрой». Где бы преступники разузнали подробности и адреса служебных и личных интересов Лоскутникова? С большой долей вероятности можно было предполагать и то, что с места убийства преступники разъехались по домам...

Лена нравилась Олегу все больше и больше. Новый год встречали вместе, у Лены дома. Большие симпатии вызвали у Олега и ее родители. Простые, без затей. Чем больше Олег узнавал о Лене, тем больше недоумевал: ну что у нее общего с компанией Влада? Понятно, конечно, что Татьяна, невеста Влада, и Лена – подруги с детства. И все-таки...

Хотя, может, он, Олег, попросту заикнулся на одном-единственном эпизоде? Или юмора не понял. Ну шла компания в ресторан развлекаться. Так на то они и рестораны. После этого с Владом общались, взяли, хотя бы, те же его «амманины» или 8 марта, – какие к нему вопросы?

Наоборот, это Олег чувствовал некий дискомфорт на фоне Влада и его друзей. Что и говорить, упакованы они были клево. При своих, как Олег был убежден, неплохих заработках таких фирменных шмоток он себе позволить не мог. Западные тряпки продавались лишь в единственной «комиссионке» на улице Калинина да на «толчке», бурлящем по воскресным дням на окраине Северного. Но цены там были!..

Конечно, потихоньку, в несколько заходов, приодеться у барахольных барыг можно, но Олег был приучен нести деньги в дом. Так всегда делал батя. Домашний бюджет семьи Мельниковых имел столько проблем и прорех, что и мысли досель не возникало заработанную копейку на тряпочную «фирму» спускать. К тому же, когда серьезно заболела мать, ее быстро спроводили на смешную пенсию, что тоже поубавило «деревянных» в доме. Опять же лишний четвертной сеструхе отправить – всегда кстати: что там ее стипендия! Поживи-ка в чужом городе, особенно когда кругом на самое необходимое – талоны, талоны, талоны...

Комплексанул малость поначалу, а потом махнул на свои завидки рукой. Главное, Лене абсолютно все равно – «по фирме он прикинут» или нет. Хотя и тут Влад ему посодействовал. Олег вспомнил, как в конце февраля приятель предложил на барахолку прошвырнуться: мол, посоветуешь, что Татьяне на 8 марта приобрести. «А что, – подумал Олег, – и я какой-нибудь пустячок оригинальный Лене присмотрю».

Несмотря на пронизывающий февральский холод, люда за высоким решетчатым забором толпилось – до упора. Взяли у надменной девицы в киоске входные билеты, у вертушек турникетов предъявили румяным крепышам в норковых формовках и куртках-дубленках и – очутились в гуще продающих и обменивающих.

Влад привычно разрезал плечом толпящихся и галдящих на смеси русско-вьетнамского языка «интернациональных» ткачих с КСК – камвольно-суконного комбината. Призванные поднять текстильную промышленность Забайкалья, маленькие улыбочивые вьетнамочки все выходные дни проводили на барахолке, обряженные с головы до ног в кипы расшитых цветочками и узорами джинсовых юбок и сарафанов (манекены ходячие!).

Безразлично, не задерживаясь, приятель шагал и мимо высоких дощатых прилавков, за которыми бабки с фиолетовыми носами торговали «пролетарским антиквариатом», а дебелие матроны с недовольным видом скучали над батареями флаконов с шампунями и коробок духов, чьи подмоченные, сморщенные этикетки и помятые бока гордо извещали покупателей, что все это парфюмерное богатство прямиком доставлено из города Парижу.

Олег с трудом поспевал за Владом, с любопытством вертя головой по сторонам. Протиснулся сквозь толпу женщин к прилавку с дюжиной пар босоножек, но тут же отработал назад, со стыдом сообразив, что понятия не имеет, какой размер носит Лена. Не сразу отыскал в толчею Влада.

Тот разговаривал, попыхивая сигаретой, с двумя высокими и широкоплечими парнями, упакованными еще покруче, чем их собеседник. Они принадлежали к той непонятной Олегу категории праздных молодцов, которые обязательно околачивались в любом торговом месте. Стоит такая пара-тройка, покуривает скучающе, лениво оглядывая публику, и столь же лениво перебрасывается с подбегающими к ним время от времени шустрými «фирмовыми» мальчи-

ками и девочками короткими и непонятными постороннему уху фразами. На барахолку такие молодцы могли еще прикатить на «тачке» или собственной машине с объемистыми и туго набитыми сумками, но тут же сдавали их «мутному» торгашескому люду и возвращались к привычному времяпровождению: из салона авто бухал толчками баса «музон», из раскрытых дверей плыл сигаретный дым и виднелись скучающие физиономии – каждая поперек себя шире.

Сегодня подобных хлопцев тоже хватало У барахолки ограда, как у зверинца, вход по билетам, а на пятачках между рядами, то тут, то сям, торчат вазовские «зубила», салоны которых набиты меломанами в коже, обожающими покурить на февральском сквозняке. Вот из багажника одной «восьмерки» извлечены две внушительные клетчатые сумки. Владельцев сумок тут же обступила страждущая толпа покупательниц. «Не торгуем», – лениво цедит сквозь зубы здоровяк и передает поклажу ввинтившейся в разочарованную женскую толпу паре шустрячков. Те стремительно удаляются с клетчатыми «сидорами» в глубь барахолки, к загадочным и невзрачным вагончикам-складикам.

Когда Олег подошел к Владу и его собеседникам, все трое дружно замолчали. Внимательно оглядев Олега, парни кивнули Владу и неспешно подались в сторону входных турникетов. А Орехов-младший оживленно засуетился, что совершенно не вязалось с его поведением минуту назад – такой озабоченный был, когда разговаривал с ушедшими парнями. Или Олегу это только показалось?

Но Влад уже хлопал его по плечу и вертел у Олега перед носом двумя коробочками духов: «Старичок, для наших дам, французские, без понтов!» Олег спросил о цене, но приятель беззаботно махнул рукой, мол, не твоя забота.

– Слушай, я так не приучен, – нахмурился Олег.

– Ты чего? – Влад скорчил удивленно-огорченную мину, с довольной хитрецей ухмыльнулся и снова хлопнул по плечу. – Окстись, старичок! Ребята от чистого сердца накатили...

– Разве тут так бывает? – ехидно осведомился Олег, кивнув на бурлящий вокруг «толчок».

Влад на секунду переменялся в лице, пристально и раздраженно мазнув по лицу Олега свинцовым взглядом, но тут же расплылся в самодовольной улыбке:

– Обижаешь... Бойкое местечко, но не одной фарцой живо.

Покровительственно повернул Олега к шумящим прилавкам:

– Вот это все, Олега, – суета и шелупонь. Шило на мыло. Ба-ра-хол-ка! Толчок! Тут только нравы толпы изучать. И законы дедушки Маркса. Товар-деньги-товар. Или папуасские обряды обмена бус на ракушки. А они, – Влад ткнул свободной от коробочек рукой в воображаемые спины ушедших «ребят», – новая волна! Дело делают!..

– Дефицит из Парижа на горбе таскают? – тон Олега мало изменился.

– Пойми, старик, каждый должен взять от жизни все, что он заслужил. Умеешь брать – бери! Вот ты. Афган прошел, кровь проливал – и что? Что теперь? Много тебе отломилось?

– Про Афган тему закрыли! – отрезал Олег.

– Ну, извини-извини, но я не о том. У тебя же, старик, голова и руки – золотые, а за четыре сотни не выпрыгнешь. Так? А почему, а? Система у нас, Олега, такая! Миллион начальников над тобой, разряды-расценки и прочая лабуда. И сам себе ты не хозяин. А дай тебе волю?..

Влад, к сожалению, был прав. Олег и сам не раз задумывался об этом. Не все же вокруг только на скупке и спекуляции тысячи делают. Да и с каждой трибуны сегодня: рынок, предпринимательство, приватизация...

– Кстати, старик... Ты только не обижайся... Прикид тебе бы обновить не мешало, – Влад кивнул на снующую по барахолке молодежь. – Жизнь только начинается!

– С такими ценами...

– Старый, запомни: есть места и есть цены. Тут, – Влад обвел рукой прилавки, – шмутье кустарное, а цены столичные. А есть другие сокровищницы, куда мы, старичок, вход имеем. Усек? И для хорошего человека...

Олег недоумевающее взглянул на хитрую мордочку Влада. А тот уже тащил его к выходу и скороговорил:

– Короче, старичок, внезапно подкатила нехилая везуха. Ребята полезную информацию выдали. В общем, такой расклад: мужик тут один из загранки в отпуск нарисовался. У него свои какие-то планы, чего-то не срывается... О подробностях в этом направлении я не в курсах, да нам это и на хрен не надо... Так вот, мужик этот неплохие шмотки сталкивает почти за так...

– Хм, что это за благодетель народный? Хотя, Влад, что по твоим понятиям «за так», то для меня...

– Ты чё, Олега? – приостановился Влад. – Я ж понимаю. Говорю, что все вполне.

М-да-с! У вернувшегося из загранки мужика, с которым приятели встретились после звонка Влада, оказался нехилый наборчик импортного шмутья. Не барахольный «секонд хэнд» – новье, с престижными «лейблами». Костюмы из «вареной джинсы», приличные «кроссы», куртки, пусть и искусственной кожи, но модного ныне фасона «авиа», пакистанские рубашки «сафари», футболки с крокодильчиком.

Влад со знанием дела сноровисто отобрал для Олега полный комплект шмоток, угадывая приятельские размеры на глаз. Потом пошушукался с «продавцом», тот кивнул и объявил: шесть сотен. Олег недоверчиво смотрел на приятеля. В «комиссионке» подобная куча самопального тряпья обошлась бы в сумму на ноль больше, а тут фирменные вещи.

Мелькнула мысль, что тряпки могут быть ворованными или контрабандой, но Влад отвел приятеля в сторону и сообщил, что рассказал мужику о способностях Олега насчет ремонта авто, а у мужика, оказывается, проблемка-то как раз по этой линии и образовалась. Закапризничала машинка заграничная – подержанная «тойота». И Олег сразу при этом известии успокоился. А то чуть было не вернулось давно забытое ощущение – последний раз он испытывал его в ташкентской «учебке», – ощущение поводка.

Продавцу импортного «прикида» Олег ладил «тойоту» по вечерам почти неделю. Подвеска – ни к черту, не по нашим дорогам кататься. Но сделал, и неплохо. Хозяин молочно-белой «короллы» даже предложил денежный расчет за ремонт, но Олег отказался. Реальная цена нового «гардеробчика» из головы не шла. Вообще-то, может, и напрасно. Деньги, конечно же, лишними не бывают. Наоборот, в ближайшей перспективе они требовались, и в количестве изрядном: надумал Олег Мельников жениться.

Собственно, только финансовые проблемы несколько и притормаживали момент его решительного, как любили писать классики, объяснения с избранницей. Конечно же, с Леной.

Олег с карандашиком на днях прикинул: выходило, что вполне пристойно, по его понятиям, сыграть свадьбу и снять угол – комнатку в «малосемейке» – он себе может позволить только в случае полугода ударной работы, включая открывшиеся возможности вечерней «халтурки» по автослесарной части.

В городе с автосервисом – напряг, зато предложений из растущих рядов личных автовладельцев – «покрутить гайки» и «покостоправить» – поступало все больше и больше. С запчастями туго, поэтому на вес золота мастера и умельцы, которым удавалось подобие той или иной гикнувшей японской железки саморучно на станочке выточить или отслесарить. Или подогнать отечественную запчасть на заморское чудо. Это у Мельникова получалось неплохо, список клиентов потихоньку увеличивался, тем паче, что Олег с них деньги не рвал, брал по-божески. Но и при таком раскладе свадебные расходы он закрывал чисто условно, без, так сказать, стартового капитала для первых шагов молодой семьи. А хотелось, чтобы все, как у людей. Не на табуретке и не на старом диване-раскладушке. Но тут и вечерний приработок, увы, погоды не делает, разве что со временем...

Откуда было знать Мельникову, что все его финансовые проблемы, связанные с женитьбой, фактически уже решены... бывшим одноклассником Владом, который так предусмотрительно спрофилактировал с помощью пилюлек свое опьянение на 8 марта.

Еще в прошлом году Влад навел щедро плативших ему дружков-уголовников на квартиру старых друзей старших Ореховых: «фанза» от барахла и бытовой техники ломилась. В числе прочего, из ограбленной квартиры уплыли два шикарных охотничьих ружья и «мелкашка». «Комиссионные» Владу за эту наводку отлистнули по более высокому «тарифу». И особо нацелили на «стволы».

Влад это запомнил: еще бы! Когда мартовские посиделки за бутылочкой у «видюшника» привели к тем высказываниям Олега об оружии, в мозгах у Влада как звонок прозвенел! А ведь пилюльки больше по привычке проглотил, дабы новое мамашкино приобретение, видеосупер-пупер, по пьяной лавочке не угробить. Но вышло очень даже кстати! Проколотся Олежек!

О свадебных планах приятеля Влад догадывался. И даже приписывал себе главную заслугу в этом. Кто, как ни он, благодетель Олега Мельникова? Ввел в свой приятельский круг, принарядил, с девушкой смазливой познакомил, да и кое-какой шабашкой по авторемонту обеспечил... Еще и свидетелем на свадьбе будет! А несколько погодя и они с Татьяной аналогично планируют...

Влад большого желания окольцеваться не испытывал, но предки давили, дабы выгодную «партию» не потерять. Хера ли тут думать, правы... Кстати, вот тогда подруга и увидит разницу между уровнем Мельникова и возможностями Ореховых!..

Впрочем, куда это его понесло? Сейчас другое важно: расколоть «афганца» на ствол или даже стволы. Влад чуял: есть добыча, есть! И пальцы невольно шевелились, словно уже пересчитывали его, Влада Орехова, долю за вороненый товар.

Глава 4. Кузнецов, 8 сентября 1899 года

Артамошка, малец на побегушках при управляющем Бертеневе, служившем у Василия Ивановича Кузнецова с незапамятных времен, оглушил хозяина криком:

– Вас Ваньч! Вас Ваньч! Казенный пакет из Петербурха вас в градоначальстве дождатся!

Хлопец от усердия исходил потом. Василий Иванович порылся в кармане сюртука, кинул Артамошке пятиалтынный. У хлопца по чумазой физиономии расплылся неописуемый восторг.

– Премного благодарен, барин! Дай вам Бог здоровьица, барин!..

– Я те сколь раз повторять буду: не зови меня барином! Не люблю! – буркнул Василий Иванович и неспешно спустился с крыльца.

У полуоткрытых ворот конюх возился с постромками подрессоренного возка.

– Егорша, поехали к градоначальнику! – приказал Кузнецов, тяжело забираясь на сиденье. Возок заметно просел – весу в хозяине пудов восемь, отчего донимали Василия Ивановича одышка и сердечный недуг. К тому же жизнь он вел непоседливую для своих почти шестидесяти лет: дома фактически не жил, больше его видели то на одном, то на другом прииске.

А владел золотопромышленник Кузнецов в земле иркутской десятком рудников и приисков по добыче россыпного и рудного золота и успокаиваться на этом не собирался.

Сотни рабочих трудились на Кузнецова. Тяжелейший, изматывающий труд! Пески промывались вручную, лотками и бутарами, а на машинах, бочках и чашах мыли всего только на четырех приисках. Василий Иванович ретроградом не был, но и смысла не видел чего-то улучшать в этом исстари сложившемся деле. Ездил он, правда, на один забайкальский рудник, где ставили опыты по химическому извлечению золота из шламов с помощью цианистого калия. Но и там пока не знали, получится или нет промышленный выход. В общем, как и везде, руда и песок добывались с помощью кайлы и лопаты. Самыми главными механизмами оставались тачка и кургузая вагонетка, меж которыми вся разница была в одном: тачку катил по доскам один работяга, а вагонетку – четверо или лошадь. Понятно, что в похуже на норы штольни и штреки коняшку не загонишь, там и костлявому Ваньке тесно...

Казенный пакет из столицы Василий Иванович ожидал давно. Почитай, уже больше года назад, в августе 1898 года, направил он в Горное управление докладную записку с приложенной к ней заявкой на право разработки открытого им нового месторождения золота в Восточных Саянах.

О, жила там была найдена добрая! Такой удачи и представить не мог Василий Иванович. Разве что байки старательские подобного рода слыхивал. Поначалу и сам не верил, что может стать чудо такое наяву. И ведь проистекло из такой несущественной безделицы, как, собственно, эта самая байка старательская!

Дошли года два назад до Кузнецова слухи, что, дескать, жил удачливый мужичок в селении Тунка у отрогов Восточных Саян. И таскал из гольцов золотые самородки с редкостным везением. Называли и фамилию этого мужичка – Демин. Потом он помер, но тайну свою сыновьям передал. А они на радостях якобы в загул пошли, да и никак из него выйти не могут до сей поры...

Слухами Василий Иванович не брезговал. Старательское дело зная до тонкостей, отлично представлял, каких трудов стоит за сезон намыть пригоршню золотого песка, сколько сотен пудов породы перелопатить требуется ради нескольких драгоценных крупниц. Поэтому все слухи о золотишке старался через верных людей проверить, и словечком не пренебрегая.

Вот и про тункинского мужичка справки навел. Действительно, был такой, на самом деле водились у него желтые камушки, причем не мелочь пузатая. И два сына у этого мужичка

остались, точно, там, в Тунке. Пень колотят да день проводят, запиваясь по-черному. После материнской кончины гульбище у них началось, причем немало времени загуливали широко, самородками златыми швыряясь, но постепенно удаль поиссякла, видимо, запас истощился. И два эти брательника на цельное лето ушли в кряжи, шарились якобы по тункинским гольцам. А еще, дескать, имеется у братьёв отцова карта-чертеж про сокровище несметное...

Что и говорить, у самого младшего Демина, Демидки, язык – что коровье ботало! Сколь тогда, после смерти матери, старшой не сторожился, а то и руку к младшему прикладывал, а не удержалась-таки у Демки водичка в одном месте!

Кузнецов заслал на место своего верного управляющего. Бертеньев грамотно в Тунке себя повел. Приехал в селение без помпы, благо деревня не в одну улочку, народец неместный постоянно туда-сюда снует. Огляделся, неспешно с человеком погутарил, на хлопцев со стороны посмотрел. А глядеть, собственно, и не на что было: жизнь братьёв-неудачников сузилась до размеров облупленной кружки с сивушным пойлом, которое местный кабатчик, кривой Сидор, именовал ядреным самогоном, настоящим на кедровом орехе.

К тридцати годам Прокоп Демин представлял собой полную развалину, не лучше выглядел и двадцатисемилетний Демид. Запущенный дом, ни семей, ни баб с ребятишками, ни промысла, устойчиво дающего средства к существованию, ни царя в голове.

Улучив момент временного протрезвления младшего Демина, Бертеньев подкатился к нему с приглашением побывать у «большого барина» в Иркутске. Согласился Демидка на одном условии: за две чарки «казенного белого вина» – водки-монопольки, недоступного для пьянчужек зелья в узкогорлых бутылках прозрачного стекла с орленого сургуча головками? Бертеньев показал Демидке такую бутылку, и они уселись в возок.

Больше братья Демины друг друга не видели, разошлись их пути-дорожки.

Судьба Прокопа далее сложилась незамысловато. После исчезновения младшего брата, а с ним и заветного отцовского чертежа, Прокоп уверился: Демидка не совладал со своим вечным зудом. Получалось, быллой ночной ужас на тункинских гольцах пересилил.

На это убеждение похмельного Прокопа повлияло еще и то обстоятельство, что соединились по времени два события: исчезновение Демида и уход в тайгу ватаги тункинских мужиков, среди которых два закадычных кореша Демидки значились. Вот и смекнул Прокоп: по новой понесло младшего братца на поиск батиной золотой удачи. А ежели до сей поры держались братцы друг друга, то как это все расценить теперича? Отвернулся, получается, брательник, променял родную кровь на алчность.

Так или не так рассудил Прокоп, но с выпивкой поутих, с родней отношения наладил, в родительском доме стал по-хозяйски обживаться, сойдясь с бабенкой, которую родня сговорила.

Вернулась к снегу названная ватага таежников, развели мужики руками: мол, сами не ведаем ничего про Демида. Тут и вовсе Прокоп рукой махнул – точно, по дури сгинул Демидка! И где могилка его – поди сыщи. К тайге и вовсе отношение у Прокопа стало отрицательным, посему, когда в Тунке ранней весной 1898 года появились зазывалы в артель рыбного промысла на Байкал-море – согласился. И укатили они из Тунки на пару с женкой невенчаной к большой воде. Навсегда. Осели в Выдрино, на южном байкальском берегу, где новая артель-то рыбацкая и сколотилась.

А через год подвернулась Прокопу работенка, от штормового байкальского норова не зависящая, посуху, да и поденежнее: в подряде на обустройстве железной дороги. Стал Прокоп Демин железнодорожным пролетарием. Детей у него в сожителстве так и не появилось, куковали на пару со Степанидой.

И можно в повествовании их вполне оставить. Ничем лихолетье начала двадцатого века их не зацепило: Прокоп, хотя и состоял в будущем передовом отряде революционного рабочего люда, но – по жизни – тягал на горбу смоленые шпалы да бухал кувалдой по железным

костылям, вгоняя их в эти самые шпалы. А политика – она по рельсам мимо Прокопа каталась: туда-сюда, туда-сюда...

Ежели бы Прокоп Демин не покинул той весной Тунку, то вскорости бы узнал, что не сгинул младший брательник, а живет-поживает кум-королю в огромном городе Иркутске!

Управляющий Бертеньев доставил присмирившего от стремительных перемен Демида под ясные очи Василия Ивановича Кузнецова. И не присмирел Демидка, а напрочь оробел. Как не оробеть, кады давалась Демидке еда барская в трактирах по дороге, а по приезде в Иркутский град, совершенно его ошеломивший, барин Калистрат Федотыч, как величали Бертеньева, в бане его приказали отмыть, космы остричь и бороденку выправить, а еще и одежду с исподним заменили на чистое и справное. Потом накормили мясным бухлером со здоровенным кусманом мяса, чаем с калачами напоили.

И повез его через городскую толчею Калистрат Федотыч к обещанному большому иркутскому барину. А у того хоромы – чистый дворец царский! Про кабинет и вообще разговору нет.

Барин вышел к ним – вельможа ого-го! Здоровенный, в одеже такого сукна, о существовании коего Демид и не подозревал. Крученая золотая цепь по пузу к часовой луковице в кармашке змеится, мясистые бритые щеки крахмальным воротом белее снега подперты, глаза пронизывающие за стеклками золотого пенсне. Это Демидка потом узнал про пенсне, – сначала аж в удивление впал: как стеклки на глазах держатся, никакими тесемками за уши не привязанные?

– Так ты и есть Демин? – прогудел Кузнецов.

От Бертеньева уже знал: на самом деле прячет за пазухой этот мужичок, отмытый и слегка приодетый управляющим, некий чертежник, доставшийся от родителя.

– Ну, чего молчишь? – Кузнецов догадался, отчего на мужичка столбняк напал. Оглушило убранство кузнецовских апартаментов.

– Знамо дело, из деминских, – промямлил наконец Демид.

– Ну, садись, перекинемся словцом-другим, – пригласил Кузнецов.

Демид испуганно воззрился на роскошные кресла, разделенные длинным, сверкающим почище зеркала столом, на котором стоял изумительной красоты хрустальный графин с водой, такие же искусно ограненные в ледяной узор стаканы и под стать им здоровая хрустальная миска. В эту миску барин Калистрат Федотыч бросил спичку, запалив невиданную толстую коричневую сигарку, которую он без спроса «большого барина» взял в деревянной резной шкатулке, что подле миски на столешнице красовалась. А потом туда же, в эту дюже шикарную хрустальную миску, и пепел стряхивать начал! Ишь, каково тут у них... Тако богатство на золоте! А они с Прокопом, горько заключил свои размышления Демид, батину заначку через горло прогуляли...

По дороге до Иркутска Бертеньев исподволь обработал Демида. Мол, решил тебя «большой барин» из грязи вытащить. Но не за красивые глаза, а за ответную услугу. Купить, дескать, кое-что у тебя хочет. Терялся в догадках Демид.

А Василий Иванович взял быка за рога. По опыту общения со старательским человеком знал: с такими, как стоявший перед ним мужичок, напор и нахрап – верное средство.

Опустился Кузнецов в роскошное кожаное кресло, ткнул на другое Демиду:

– Не торчи столбом, садись! В ногах правды нет.

Демид покорно, с осторожкой, сел, ощущая задницей небывалую мягкость и приятность.

– Значитца, друг мой ситный, – вперил пронизывающий взор в Демида Кузнецов, – я, стало быть, купец, а у тебя, стало быть, есть товар. Возьму дорого! Ну-ка, Калистрат Федотович, покажи наше предложение!

Бертеньев раскрыл лежащий на столе тисненой кожи бювар и вытащил пачку сиреневых ассигнаций. Хлопнул ею о столешницу, стоявшую посередине между Василием Ивановичем и Демидом.

– Вот тут, – согнутым пальцем Кузнецов постучал по пачке, – тыща рублей! Покупаю у тебя, мил-друг, карту-чертеж твою!..

«Тыща!» Екнуло у Демида в селезенке. Добрую телку у них там, в Тунке, за три рубля сторговать можно, а тут – тыща!!!

Исподлобья, пытаясь удержать взором и деньги на столе, Демид глянул на «большого барина»: страшно шутит, не может такого быть! Кузнецов же взгляд истолковал по-своему, усмехнулся.

– Думаешь, обманываем тебя? Нет! Это – за чертеж. А если в те места с нами проводником двинешь да окажется, что точное место на чертежике, а не байка дурацкая придумана, еще столько же дам!

И снова будто бы та страшная черная стрела ударила в костерище!

– Не, не-а! – испуганно замахал руками, вскакивая, Демид.

– Что «не-а»?! – набычился Кузнецов. – Что?!!

– Не пойду, не-а, хоть убейте!..

– Василий Иванович, – ележно-спокойно вмешался Бертеньев. – Мне Демид в дороге сказывал, что напугал их на тех местах в походе единожды дух таежный...

А головой Кузнецову кивает: мол, все образуется.

– Дух, говоришь? – успокаиваясь, переспросил Демида Василий Иванович.

– Как есть дух! Не-а, я туды более...

– Ну, смотри, – с деланным равнодушием пожал полными плечами «большой барин». – Собственно, мы и без твоего участия прогуляемся в тункинские гольцы, ради интересу... А того еще, глядишь, и этого лесного черта словим, а? – Затрясся всеми телесами в утробном смешке.

Начал успокаиваться и Демид, не отрывая глаз от ассигнаций на столе.

– А давай-ка так, друг мой ситный, – прищурился Кузнецов. – Чертежик свой ты нам продаешь, а вот Калистрат Федотович окажет тебе содействие и поможет, к примеру, домик в пригороде купить, заживешь по-городскому, а? Понравилась тебе столица наша сибирская?

– Дуже... – только и вымолвил Демид.

– Ну так и по рукам! Станешь заправским городским жителем, с работой поможем. Вона у меня, к примеру, на конюшню конюх потребен. Или, к примеру, водовозом на хозяйственный двор...

Демид затравленно оглянулся на Бертеньева. Тот в ответ одобряюще закивал набриолиненной головой, улыбнулся и добавил:

– А девки тутошние, скажу тебе, Демидка, не в пример вашим дикаркам! Такую кралою оторвешь! Да с этими деньгами, – потыкал Бертеньев пальцем в сторону ассигнаций, – самую добру бабу за себя возьмешь, с приданным богатым!

– Ну а ежели, Демушка, – подхватил тон управляющего Кузнецов, – срастется чертежик твой с натуральной находкой и не зазря моя экспедиция на тункинские гольцы сходит, то... Э-эх, так и быть! – Василий Иванович со всего размаха припечатал ладонь к столешнице. – Так и быть, мил-человек! С меня тебе тогда еще тыща!

И, приподнимаясь, протянул пухлую пятерню Демиду:

– Ну, по рукам?

Демид, сам не понимая почему, осторожно сжал руку «большого барина», а левой вытащил из-за пазухи батин почерневший и замызганный свиток.

– Тока не оммани, барин...

– Барином не кличь, не люблю. Мы теперича други-компаньоны! Давай-ка, Калистрат Федотович, обмоем это дельце! – довольно прогудел Кузнецов, тряся Демиду руку. А левой быстро заграбастал свиток и, шумно выдыхая воздух, опустился в кресло, пригибая руку Демида к пачке ассигнаций.

– Не робей, друг мой ситный, не робей! Бери деньги! Твоя тыща, без обмана!..
Так и сладили тогда.

Много видел Василий Иванович дурней, но такой попался впервой. В том, что чертежник смысл имеет, – не сомневался. А когда детально рассмотрел, уверился окончательно. Со знанием дела составлен чертежник-то! Достаточно карту-двухверстку полевую приложить рядышком – картина во многом проясняется. А хорошие карты тех мест у Кузнецова были. Довольно подробные, ибо земли, почитай, почти что пограничные. Постарались военные картографы ради интереса государства Российского! Карты эти Кузнецов загодя раздобыл через одного знакомого генерала, когда только про всю эту саянскую историю прознал. Понятно, что не задаром, но чем черт не шутит... И вот первое подтверждение! Чертежник совпадает по основным меткам. Толковый, видать, был у этого простофили папашка, не просто темный таежный ходок. Надо бы выяснить, кто такие эти Демины, что за фрукт-компот их батяня покойный...

Возок на колдобинах подпрыгивает да пружинит мягко. А и не пружинил бы – невелика беда! Усмехается Василий Иванович в усы. М-да-с, ловко тогда с чертежиком вышло. Да и Демид в накладе не остался. При его тогдашнем положении такие свалившиеся с неба деньги... Осел-таки мужичонка в Иркутске. И на конюшню с радостью пошел. Бертеньев как-то сказывал, что в домишке за Ангарой обустроился младший Демин, и бабенка у него какая-то появилась, и горькую без продыха не хлещет. В меру употребляет. А денежки кромчит...?

Усмехается Василий Иванович. А чего не усмехаться, когда так всё сладилось. Выдал он таки этому мужичонке вторую тысячу! Заработал Демидка Демин, заработал! И больше бы ему отвалил Василий Иванович, но для лопуха и полученное – богатство ого-го! Богатище!!

Летом 1898-го прибыла в Аршан солидная экспедиция Кузнецова. Сам и возглавил. До Аршана в возке, а далее – молодость вспомнил, на кобылу взгромоздился. По крайней мере, по чертежику выходило, что на лошадях до самого места можно добраться.

Так и вышло. Прошли Тункинской долиной до устья Шумака. Вскорости наткнулись на те самые пещеры, которые обозначил Демин-старший на своем чертежике подковками с точками в середке.

Однако опосля одна заморочка вышла: получалось, по чертежику, что искать деминское блюдце-озерцо надо через Китой на левый берег не переправляясь. Но все дальнейшие ориентиры, начерченные Деминым, никак на правом берегу не обнаруживались.

И так, и эдак крутили перенесенный на бумагу чертеж, сверяли с оригиналом на потемневшей замусоленной коже. Что-то не шло. Почти неделя прошла в бесплодных поисках.

Сидел вечером у костра Василий Иванович, вновь уставившись в закорючки чертежика и военную карту. На ней, как на грех, совершенно непрорисованными эти места были, так – общие абрисы, скорее всего, перенесенные с какой-то более ранней карты, а может, и с монгольских свитков, позаимствованных картографической экспедицией у приграничного богдыхана.

Снова достал из планшета деминский кожанный лоскут и мощную лупу в бронзовой оправе. Так-с, здесь Китой поворачивает на юг, а дальше – крутая осыпь, скала. Были там третьего дня – никаких и намеков на водопады... А вот это затертое пятнышко как раз на повороте. Что это? Или просто пометка, плешина на коже от ветхости и времени, а если...

– Минька! Подь-ка сюда! – позвал Кузнецов помощника, недоучившегося студента столичного Горного института, невесть как очутившегося в Иркутске года два назад. В разночин-

цев, мать его за ногу, играл! Помнится, поначалу упрятал его на прииск, а то бы господ из охранного отделения упрятали туда, куда Макар телят не гонял.

Нескладный, долговязый Минька в круглых очках с дужками-ремешками, завязанными на затылке, что, впрочем, и не было заметно из-за пышной и неопрятной шевелюры, выскочил в освещенный костром круг, подсел к хозяину, по-городскому поддегивая просторные брезентовые штаны, выпущенные поверх сапог.

– Слышь, Миня, – нескладность «разночинца» постоянно умиляла Василия Ивановича, собственных детей не имевшего. – А глянь-ка, дружок, вот на это пятнышко. Как думаешь, дефект или чего-то на чертежике затерто?

Минька внимательно взгляделся в свиток, сдвинув очки на лоб, еще раз поводит по пятнышку лупой. Задумался, потом потянулся к топографической карте.

– Я вам вот что, Василий Иванович, скажу... – протянул он в раздумье, уставившись в карту, а потом на чертежик. – Тут, конечно, кто его знает... Вроде бы... А может, и просто пятно...

– Вроде... Может... Чево замычал-то, етить ты в дугу?! – выругался, не сдержавшись, Василий Иванович.

Минька и ухом не повел, погруженный в изучение чертежа и карты: то сложит рядом рисунки, по руслу Китоя сличая, то вновь пристально взглядывается в кожаный лоскут, то карту перевернет.

– А посмотрите-ка сюда, Василий Иванович! – вдруг встрепенулся Минька, прижав большим пальцем свиток с чертежом к карте.

– Чево тут смотреть, грамотей! – усмехнулся Кузнецов с ехидцей. – Карту-то, умник, обратной стороной держишь, да еще задрал на огонь!

– Так в этом-то и вся соль, Василий Иванович! На просвет и смотрите! Видите? Нет, вы посмотрите!..

– Ну-ка, ну-ка, – потянулся Кузнецов, поправляя пенсне. – И что, что?

– А вот от пятнышка-то оно на чертежике, видите, как речка-то изгибается? И на карте тож так же! И вот на чертеже, скорее всего, это скала изображена, как ориентир, а вот она на карте!..

Минька торжествующе посмотрел на золотопромышленника. Тот внимательно взгляделся в плохо различимые линии, потом медленно перевел сосредоточенный взгляд на «разночинца».

– Ты хочешь сказать... этот Демин с умыслом так начертил, в обрешетку от чужого глаза?

– Конечно, Василий Иванович! Тогда понимаете, что это за пятно такое?

– Поначалу черкнул переход через Китой, на левый берег...

– А после замазал, затер! – подхватил Минька, трясая картой. – И нарисовал так, как будто всё – на правом берегу! По правому шагай, по правому ищи! Чужой и не допетрит!

– Не мельтеши ты перед глазами! – прикрикнул Василий Иванович. – Давай сюда карту и чертеж... Поутру попробуем. Перейдем на тот берег...

За размышлениями и воспоминаниями незаметно подкатили, погромыхая на брусчатке, к градоначальственному присутствию – массивному двухэтажному особняку, выбеленному в белое с зеленым, уютно расположившемуся за чугунной, из узорчатых кованых пик, оградой.

Кузнецов тяжело сошел с возка. Неспешно, шурясь от бьющего прямо в глаза солнца и шумно дыша, двинулся к распахнутой калитке, такой же, как ограда, узорчато-кованой. Аллея, обрамленная густыми кустами акации, прямой лентой гранитной плитки вела к ступеням парадного входа, у которого маячили двое полицейских чинов.

Кузнецов важно прошествовал мимо охраны и вступил в полумрак вестибюля. «Ишь, фараоново племя, голов не повернули! – подумал сердито. – А вот погоди уж, как жилу возьму, вся Иркутская губерния ниц ляжет!»

Кузнецов злорадствовал: утрет нос продолжавшему пыжиться «Российскому золотопромышленному обществу». Учрежденное в мае 1895 года петербургскими чинушами, общество поначалу столь ретиво расправило крылья, что, казалось, дух перекроет. Помимо российского в дела золотопромышленности полез через эту организацию французский и бельгийский капитал. В короткий срок общество скупило паи различных золотопромышленных компаний на Урале и во всех золотоносных районах Сибири. Да только от жадности и обожрались! Хотели монополией по драгметаллу стать, но приобретение приисков без их геологической разведки привело общество к банкротству. Об этом уже в открытую поговаривают. И все серьезные основания для этого есть: общие затраты Росзолотопрома на приобретение приисков и выпуск акций превысили почти на миллион рублей основной капитал!

Кузнецов зрил в корень. К началу войны с Германией общество сократит работы в Восточной Сибири и Забайкалье, в 1915 году и вовсе их остановит, распродавая рудники и прииски, сдавая их в долгосрочную аренду. Из монополиста добычи россыпного и рудного золота «Российское золотопромышленное общество» превратится на одиннадцатом году своей деятельности во второразрядное объединение, откуда первыми побегут иностранные члены. Скатертью дорога!..

Канцелярия градоначальника располагалась в левом крыле. Туда Василий Иванович и направил стопы.

Он предвкушал! Словно уже видел это высочайшее разрешение, по которому участок на левом берегу в верховьях Китоя становится его вотчиной. Заявка, направленная в Горное управление, скучна: обычная канцелярская писуля. Прошение. Рутинное описание участка месторождения, только и всего, даже точных координат не требуют в Горном управлении.

А место-то впечатляет! Когда бы эту красоту да на дагеротип! Впрочем, разве стеклянная пластинка своим черно-белым изображением передаст красоту природы! Нет, там для хорошего художника поле деятельности...

Василий Иванович хмыкнул. Откуда это в нем лютики-цветочки? Стареем... Впрочем, при чем тут это? Даже он, всю жизнь проведший среди великолепия сибирской тайги и совершенно не склонный к сентиментальщине, был сражен красотой ледяного цирка, в который обрушивался сверкающий водопад. Вот оно, это озеро-блюдец, вот она, Золотая Чаша! А Демидка – дурень! Чего ужасался? Никакого лесного черта!

Демин-младший, офонаревший от барской щедрости и добрых перемен в жизни, выложил тогда Кузнецову все, что только знал о батиней находке. Что мать рассказывала, что поведал на смертном одре отец. В том числе и это, очень точное прозвище места – Золотая Чаша! Жила, выходящая на поверхность сплошной полосой, сняла все вопросы. А кузнецовские ребята намеривались искать шурфы! Какие, к черту, шурфы, когда такое!

Но не только восторгом наполнился Василий Иванович. Многолетний опыт поиска и разработки золотоносных месторождений позволил увидеть и другие плюсы: доступ к участку ограничен, но лошади пройдут, так что во вьючном варианте можно к Золотой Чаше доставить необходимое оборудование, обустроиться здесь и начать промышленную разработку. Золотая Чаша перекроет все! По крайней мере, на двух кузнецовских приисках, фактически полностью истощенных, можно смело поставить крест. Да и остальные теперь погоды не делают...

Кузнецов терпеливо выполнил все канцелярские формальности по получению засургученного пакета из Горного управления. Себя соблюсти тоже немаловажно. Посему зажал пакет под мышкой и откланялся. На крыльцо присутствия вышел царем сибирским, презрительно

хмыкнув на полицейских служек. Вальяжно расположился в своем возке, гаркнул Егорше: «Домой!»

Дотерпел до кабинетного кресла. Только здесь самообладание его покинуло – нетерпеливо стал ломать красный сургуч на суровой и плотной бумаге. В конверте – один лист, с разлапистым черным орлом в левом углу.

Василий Иванович лихорадочно пробежал глазами каллиграфически выведенные строки, недоуменно замер, не найдя среди них привычного оборота о разрешении, начал медленно перечитывать.

Перед глазами поплыли багровые круги, в груди зауhalo. Рука потянулась к колокольчику на столе и... обессиленно бухнулась о столешницу.

Жадно хватая воздух, как выброшенная на песок рыбина, Кузнецов приподнялся, пытаясь крикнуть, позвать секретаря из приемной, но лишь захрипел и сполз в кресло, закатывая глаза на побагровевшем до синевы лице...

Отказ из столицы, не содержащий никаких объяснений и мотивировок, но, скорее всего, вызванный происками конкурентов, того же Росзолотопрома, подкосил золотопромышленника.

Разбивший Кузнецова апоплексический удар, помноженный на астматические проявления и сердечное заболевание, уложил его в постель, сменив кузнецовскую неумность и крутость натуры на полнейшую апатию. Василий Иванович безразлично глотал прописанные докторами лекарства и молчал. Так и угас за полтора месяца.

Когда Бертеньев и кузнецовский душеприказчик Твердохлебов после Рождества Христова 1900 года разбирали бумаги покойного, то никаких документов, касающихся чудоместорождения, не нашли. Бертеньев локти кусал: он-то в экспедицию с хозяином не ходил, оставался в Иркутске на управлении приисками. Рабочие ничего не могли пояснить, да и подрастерялись они за прошедшие почти три года, разбежались в разные стороны.

Помощник Кузнецова, конечно, прояснил бы многое, но «разночинец» Минька укатил в Санкт-Петербург выяснять в Горном управлении причины отказа еще в сентябре минувшего года. С тех пор вестей о себе не подавал. Скорее всего, чертов студент снова, как однажды в сердцах выразился Калистрат Федотыч, «вляпался в революцию».

У Бертеньева были основания на такие подозрения: ладно бы Минька только языком свои вольнодумские мыслишки вытренькивал меж делом, чем он постоянно грешил... Но пару месяцев назад от иркутского полицмейстера Минькой интересовались, то да се вынюхивали... Давно зная «разночинца», Бертеньев и мысли не допускал, что тот по поводу обнаруженного месторождения какую-то свою игру затеет. Точно, бестолочь, по старым друзьям неблагонадежным подался!..

Бывший кузнецовский управляющий не ошибался. Миньку на самом деле закрутил столличный водоворот вольнодумства и лихорадки ожидания больших революционных потрясений. Через пару лет ему уже представится возможность несколько охладить свой революционный пыл в Туруханске.

А бумаги Кузнецова так и не нашлись. Бертеньев сознавал: хозяин их уничтожить просто физически не имел возможности. Но в многопудовом сейфе золотопромышленника оказалось множество секретов, только не этот. Все, что касалось Золотой Чаши, Кузнецов спрятал надежно. Фактически, навсегда.

Да только тайна – как родничок, стремящийся к жизни. Каменную толщу все равно проточит. А если уж и вовсе на пути кремень-преграда – обойдет, пускай и длинным, извилистым путем, пускай и не скоро, но все равно пробьется на поверхность и победно заструится!

22 ноября 1902 ротмистром Санкт-Петербургского охранного отделения Люташиным был учинен допрос мещанина Либермана Минея Яковлевича, подозреваемого в принадлежности к нелегальной петербургской организации партии социалистов-революционеров.

На снимаемой Либерманом квартире полицейскими чинами в присутствии понятых были обнаружены и изъяты: типографский шрифт россыпью, четыре пачки (по 500 листов в каждой) прокламаций с резкой критикой последних решений Кабинета министров по крестьянскому вопросу, а также многочисленные технические записи по горному делу, карты и старинная схема предположительно горной местности, рукописно выполненная на куске кожи. У самого мещанина М.Я. Либермана при аресте изъят револьвер системы «Смит-и-Вессон» полицейского образца в неисправном состоянии, что лишило подозреваемого возможности сопротивления или самоубийства.

Для последнего утверждения у ротмистра Люташина были все основания, потому как арестованный на допросе отказался, в числе прочего, пояснить происхождение, а также смысл обнаруженной у него старой схемы-чертежа, лишь гордо выкрикнул: «Это – народное достояние, до которого вам, царским сатрапам, никогда не добраться!», а ночью пытался повеситься в камере. Не дали!

Либермана отправили в ссылку, дело из суда переслали в архив охранного отделения вместе с вещдоками – неисправным револьвером и свертком технических бумаг. Прокламации и шрифт уничтожили. Загадочный чертежник на кожаном лоскуте Люташин покрутил так и эдак, а потом закинул в свой несгораемый шкаф на нижнюю полку.

Была мыслишка проконсультроваться у одного столичного профессора из Горного института, да текучка служебная заела. Правда, в канцелярии Совмина кое-что разузнал, по мелочи, для памяти соорудил себе конспектик на листах-четвертушках.

...Бумаги пылились за стальной дверцей до осени 1917 года.

Не ротмистр Люташин, коего еще в июне застрелили на улице какие-то горлопаны из анархистов, а его невольный преемник, подполковник Горлов, уничтожая служебную документацию наутро после Октябрьского переворота, наткнулся на пожелтевший прямоугольный пакет, многозначительно поднял бровь, прочитав небрежные строки: «Предположительно, речь идет о каком-то крупном богатстве – старинном кладе или прииске в Иркутской губернии. Изъято у арестованного М.Я. Либермана, ранее служившего в помощниках у иркутского золотопромышленника Кузнецова».

И Горлов... сунет конверт во внутренний карман пальто, угрюмым взором обводя напоследок кабинет, в котором теперь, конечно, расположится новая рабочая власть, изгваздав грязными яловыми сапогами некогда блестящий по-домашнему добротный дубовый паркет.

Потом Горлов тихо прикроет тяжелую створку высоких кабинетных дверей, привычно повернет ключом в мягко шелкнувшем замке. Машинально покручивая массивный бронзовый ключ с узорчатыми бороздками меж пальцами, спустится вниз по широкой лестнице к опустевшей конторке дежурного. Только тут опомнится, раздумчиво поглядит на ключ – кому сдавать, для чего? – и порывисто шагнет под серое небо и пронизывающий невский ветер, утягивая шею под барашковую опушку воротника пальто.

Горлов уже давно понял: новая власть без боя не сдастся. А биться с ней пока некому. Да и незачем. Может быть, в походных штабах сгнившей от смуты армии, в гатчинской кутерьме передыха после бегства из Зимнего, в затаившихся дворянских гостиных еще кто-то живет проектами скорой расправы со взбунтовавшейся чернью, но в жандармских кабинетах идиллы не обитали, информации хватало.

Впрочем, и без донесений – картина ясная. Горлов терся в той апрельской толпе на Финляндском, когда восторженная солдатня взгромоздила своего картавого предводителя на

серую башню броневика. Внимательно слушал оратора. А потом... Потом *развернулись события*.

Нахрапистость, с одной стороны, и замешанная на страхе неповоротливость – с другой. Корнилов оказался мямлей. А у него ведь был шанс. И какой шанс!.. Да что теперь...

Горлов с удивлением обнаружил, что в правом кулаке до сих пор сжимает ключ от кабинета. Зло выругался и зафитилил его через парапет в свинцовую воду.

Глава 5. Николаев, 20 августа 1991 года

Свершилось, в конце концов и из конца в конец! Умыл он – обещал и умыл! – всю местную репортерскую братию!

Вовчик Николаев, тугощекий крепыш-живчик, с аккуратным ежиком на круглой голове и наметившимся пивным брюшком, небрежно бросил на стол ответсекретаря родной редакции свежий многокрасочный номер столичного еженедельника «Мегаполис-Экспресс».

– Э-э... Старина, пора бы запомнить... Не читаю я эту бульварщину! И тебе не советую. Аль тебя картинки с мадамами привлекают? Вроде бы, рановато. Иль созрел уже глазеть по-стариковски? – Долговязый и сутулый Боря Столяров насмешливо посмотрел поверх очков. – Ты, старик, в курсе, что к пенсии наш уверенный и сильный пол делится на три категории: баптистов, садистов и народных мстителей?

– Ага, мать писала! Баптисты – те, кто баб тискает, народные мстители строчат жалобы во все инстанции по поводу и без, а садисты садики сажают, дорвавшись наконец-то до любимых шести соток...

– Да, любим мы это дело. Зимой маринованный помидорчик так идет под «Сибирскую»!.. – Боря мечтательно закатил глаза, откидываясь на спинку скрипучего и неудобного стула.

– Этот твой помидорчик в готовом маринованном виде одновременно с «Сибирской» – без проблем в любом гастрономе...

– Не понимаешь ты, старик, поэзии труда на земле! И все потому, что не садист ты, нет. И не народный мститель. Ты, дорогой мой Вовчик, – баптист натурель. Какая новая фемина опять влечет тебя в разврат?

– Погиб пиит... – Вовчик со снисходительной улыбкой поглядел на Бориса. Пикироваться они любили оба. – Да... Никак мэтр Столяров снова впал в лирическую прострацию, нет? Лавры Мишки Вишнякова покоя не дают...

– Ты Мишку не тронь, – строго посмотрел через очки Борис. – Для кого Мишка, а вам, молодочел, Михал Евсеевич. Это ваше безудержное величество только и умеет баб тискать, а мы – поколение шестидесятых – женщин всегда лю-би-ли!

– И на их деньги пили!

Вовчику очень понравился его экспромт.

– Не смешно, старик, не смешно... – Боря вернулся в исходное положение, отчего стул под ним скрипнул с пронзительной жалостью. – Но чего не простишь зеленому поколению...

– Кстати, продолжая тему... Насчет народных мстителей... – Вовчик потыкал пальцем в номер «Мегаполиса». – Пенсии, кол-л-лега, мы дожидаться не стали. Это ж только некоторые – не будем показывать пальцем! – обретают смелость вскрывать язвы общества, выйдя на какой-то там, но явно не заслуженный, отдых. В перерывах между приступами садизма и огородничества. А пытливый ум настоящего репортера...

– Гиены пера...

– ...настоящего репортера и труженика многополосной печати...

– Хвались, едучи с рати!

– Имен-но! Это вы, дорогой Борис Ефимович, очень точно подметили, – с нее самой и едучи! Ре-ко-мен-ду-ю! – назидательно сказал Вовчик и развернул перед коллегой цветные листы. – Ду ю, ду ю – презентую!

Он вытянул из стаканчика с карандашами и шариковыми ручками фломастер и размашисто расписался над кричащим заголовком «ЧИТАго: кровавые дела провинциальной мафии».

– Ну-ка, ну-ка. – Боря поднес к глазам газетную страницу. – Так это ты, старина, разродился? Силен! Обличитель криминала и гроза «козы nostrы»!

– А то!

Вовчик Николаев совершенно искренне, как и абсолютное большинство представителей творческих профессий, полагал себя мэтром. Конкретно – репортерского труда. Посему ему требовался творческий простор, вернее, более широкая аудитория читателей, общественное и профессиональное признание. Последнее – обязательно и крайне актуально.

Коллег следовало умыть регулярно, потому как, если есть мэтр, то все остальные собраты по перу могут классифицироваться только в две категории: а) способные писаки, но не мэтры; б) бездари.

Вовчик вообще смотрел на свою профессию с изрядной долей практического цинизма. В журналистике он видел неплохую возможность заработать, хотя при этом ощущал и охотничий азарт.

Поймать «свежачок» и быстрее других закатать его на полосу было для Вовчика любимым видом спорта. С неизменной сигаретой в зубах Вовчик с утра накручивал телефонный диск в поисках «жареной фактурки», часами околачивался в разнообразных присутственных местах, обзаведясь массой приятелей и знакомых, представлявших для него стадо поставщиков информации, которую он выдаивал везде и всюду с незаурядной пронырливостью, неиссякаемой энергией, бешеным напором, а где и с откровенной наглостью.

«Удой» с колес шли на машинку. Вращая выпуклыми карими глазами и топорща тараканы усики, Вовчик долбил по клавишам почище птицы семейства дятловых, прерываясь в машинописном тарактении только для смены очередного листа и прикуривания новой сигареты.

Репортерские изделия выстреливались быстро и, как правило, являли собой образцы «безотходной технологии»: одним и тем же материалом Вовчик успешно кормил родную областную газету и все мало-мальски подходящие местные издания, орудуя полудюжиной творческих псевдонимов и производя незамысловатые манипуляции с готовым текстом, дабы экземпляры очередной «сенсейшн» все-таки немного друг от друга различались.

Больше всего Вовчик любил криминальную тему – неиссякаемый источник «жарехи». Препарировать добытые в дежурной части областного УВД копии сводок о происшествиях и преступлениях было самой беспроигрышной лотереей.

Аналогичные конъюнктурные пируэты совершали и коллеги-конкуренты из расплодившихся в Чите за два последних года газетенок, каждая из которых только как программу-минимум рассматривала собственную областную известность. Броские строчки под логотипами изданий вразумляли читателей, что они держат в руках региональное издание, а регион-то – Сибирь-матушка, от горбов Урала до Сихотэ-Алиня... Но держались на плаву эти «монстры печати» только за счет «жарехи» во всех ее проявлениях – происшествия, скандалы, сплетни.

Понятное дело, из пальца высасывать непросто, к тому же, вдруг нарвешься на принципа – объясняй опосля в суде, откель дровишки... Хотя и здесь приноровились со временем – газетные «прейскуранты на услуги» появились: надо тебе недруга грязью облить – приходи, давай заявку и гони бабло. За пятьдесят «штук» – любой каприз в ближайшем номере! «Клевета!» – кричит пострадавший и бежит с иском в суд. «Клевета!» – говорит суд и преподносит газетенке штраф. Тысяч тридцать, не больше. «Клевета, – соглашается редактор газетнки, – нас подставили». И платит штраф. Пятьдесят минус тридцать... Двадцать «штук» чистого навару оседает в редакционном сейфе или редакторском кармане. А на обязательное, но этакое невнятное опровержение, опубликованное через полгода, а то и позже, после нашумевшей «разоблачительной истории», вряд ли кто уже и внимание-то обратит. Дело прибыльное, но скандальное, хлопотливое.

Опять же, областной центр не настолько велик, чтобы строить на этом газетный бизнес. А жуткие «сочинилки», с придуманными персонажами (которые, вроде бы, анонимно разоткровенничались – почему-то! – с вездесущим братом-репортером), согласитесь, требуют опре-

деленного литературного дара. То ли дело – горячие фактики, свеженькие, в жути и натурализме подробностей, добытые из первых рук официалов правоохранительного дела, – это вам не вымученная страшилка из подворотни!

Но на подступах и в стенах главной милицейской конторы Вовчик держал монополию. Прежде чем он смог, практически запросто, наведываться в дежурную часть УВД в любое время суток, ему пришлось провести большую подготовительную работу.

Он настроил целую серию репортажей и зарисовок о нелегких милицейских буднях, бравых сержантах-пэпээсниках, внимательных капитанах-участковых, веселых и проникательных старлеях из угро и, конечно же, вдумчивых, с сединой на висках, милицейских начальниках.

Он проводил ночи в милицейских уазиках, колесящих по городу, он сидел в будке-«фонаре» с гаишниками на пригородной трассе, выступал в роли понятого при контрольных закупках «бэхаэсэсников» в магазинах, «менял профессию» в медицинском вытрезвителе. А душещипательный очерк о напряженных и нервных буднях дежурной части УВД? Вовчик буквально воспел труд оперативных дежурных, за что не только удостоился лауреатского диплома ежегодного творческого конкурса «Закон и перо», но и стал желанным гостем каждой дежурной смены.

Капитан милиции Писаренко знал Вовчика Николаева с детства. Они с незапамятных времен жили на одной лестничной площадке, ходили в один детсад и в одну школу. А в школе сидели за одной партой. Несмотря на абсолютную несхожесть характеров, искренне полагали себя друзьями.

На некоторое послешкольное время их пути-дорожки разошлись в связи с успешным поступлением каждого в вуз. Балагур и заводила Вовчик Николаев отгарабанил пять лет на факультете журналистики Иркутского госуниверситета, а остроумный, но застенчивый Дима Писаренко – четыре года в Хабаровской высшей школе МВД СССР.

Постепенно один дослужился до капитанских звездочек, а другой – до заведующего репортерским отделом областной газеты.

Дружба с Димой была для Вовчика еще одним важным преимуществом перед другими «гиенами пера». Он умел разговорить приятеля, выудить у него то, что в журналистских кругах стали обзывать эксклюзивом. А потом, специфические термины и жаргонные словечки, которыми Вовчик любил козырнуть, неизвестные широкой журналистской братии подробности того или иного преступления, – насчет всего этого Дима представлял для Вовчика поистине неисчерпаемый клад.

Две недели назад Вовчик прослышал о двух убийствах за одни сутки с применением огнестрельного оружия. Теперь его страшно интересовали подробности этих преступлений. Запах «жарехи» щекотал ноздри!

Но попытка выяснить подробности в дежурной части управления только добавила интриги: седой и мудрый Ефимыч – оперативный дежурный майор Тонышев – Вовчика сразу предупредил, что на эту информацию начальством наложено вето. В интересах следствия.

Вовчик пошел другим путем – ринулся к знакомым операм и экспертам. Увы, реакция везде оказалась одинаковой: просто какое-то загадочное нежелание делиться информацией! Для Вовчика это было внове. Уж ему-то всегда и везде в УВД рады, как певцу дифирамбов милицейским кадрам...

Благо, знакомый эксперт в бюро СМЭ! Дернули вечером с ним портвешка по старой дружбе, и захмелевший «патологический анатом» выдал такое! Оружие-то, оказывается, применялось заморское! Вовчику сразу загрезились агенты империалистических разведок. Ежедельник криминальной хроники, который уже два года выпускало областное отделение Союза

журналистов, с руками бы оторвал, не жалея места, материал об этом, что еще больше раззадорило на поиски фактурки.

Понятно, что обращаться в управление КГБ – дело напрасное. Но есть еще дружок Димка, который мог бы пролить дополнительный свет на события. А Вовчику многого и не надо. Зацепиться за пару кончиков, а там уж он развернется!

С настырностью бешеного кабанчика Вовчик стал подбираться к приятелю со всех мыслимых и немыслимых сторон. Но тот молчал белорусским партизаном! Это было нехарактерным, особенно с тех пор, как на День милиции областная газета пропела панегирик уголовному розыску под броским заголовком «Люди ежедневного подвига», скромно подписанный «В. Николаев». При всей своей журналистской всеядности, в худшем смысле этого понятия, Вовчик все-таки был журналюгой талантливым, поэтому портреты бесстрашных оперов, в том числе, естественно, и друга Димы, получились. И «В. Николаев» снова стал лауреатом милицейского конкурса среди журналистов. Дима приятеля зауважал, был с ним нередко словоохотлив. А Вовчик умел прикинуться некомпетентным дурачком, восторженно заглядывая соседу-оперу в рот...

Брешь в обороне Вовчик таки нашел. Сенсация состоялась! Хотя обстоятельства ее рождения выглядели довольно прозаично.

В субботу друзья отправились попариться в бане, а на обратном пути Вовчик затащил Димку к своей новой подруге. Совсем недавно познакомился с приятной дамочкой, посвятившей свою молодую, относительно, правда, жизнь сфере общепита.

Вовчикина пассия заведовала производством в обычной кафешке, внешность имела броскую, формы аппетитные. В общем, как написал классик, была дамочкой приятной во всех отношениях. А Вовчик всегда больше склонялся к блондинкам, пусть и созданным чудесами химии, тем более таким кошечкам, что и промурлычет ласково, и прописных истин не забывает. Например, о том, что путь между сердцем мужчины и его желудком – кратчайшая прямая.

Вовчик успешно закадрил суровую не по годам на своем боевом посту Лидочку, растопив общепитовский лед и привычную неприязнь к подвыпившим и пристающим посетителям мужского пола... музыкой. М-да-с!

Как-то завалились журналюги веселой компашкой в это самое кафе, а Вовчик еще трелевал на себе гитару и между тостами сбавал пару расхожих шлягерков, чем заметно оживил затрапезность заведения, в котором не водилось даже магнитолы. Как говорится, слово за слово, аккордом по столу, и волчище-репортерище просек: на него запали.

Кудрявый однофамилец-композитор был у всех на слуху, прекрасный пол прямо-таки таял от паромщиков и прочих мельниц из его песен, что в довольно сносном исполнении Вовчика имело у Лидочки успех... И продолжение в интимной обстановке отдельной двухкомнатной квартиры немного погодя.

Так и заладилось. Вовчик бархатным голосом распевал популярные эстрадные хиты, травил анекдоты, балансирующие на грани приличия, а взамен ему дарили комплекс незаурядных сексуальных упражнений, деликатесный стол и японо-китайское баночное пиво.

На дефицитное баночное пиво и затащил Вовчик Димку в уютное кооперативное гнездышко подруги. Пока хозяйка, после взаимных реверансов у порога, звенела на кухне тарелками, торжественно пообещав «не выпускать мальчиков без скромного ужина», Вовчик потчевал молчаливого Дмитрия баночным пивом и упорно допытывался о причинах приятельской хмурости. Наконец, то ли лед тронулся, то ли его растопило пиво, Дима посетовал другу на тупиковую ситуацию с раскрытием двойного убийства. Вовчика разве что не подбросило! Вот умоет он коллег-конкурентов! Оказывается, его дружбан ведет розыск по этому делу!

Особых подробностей из Димы Вовчику вытащить не удалось, но один пустячок оказался той самой «сенсейшн»: пистолетик-то оказался в обоих убийствах один и тот же! И на самом деле заморский – кольт!

Вовчик летал. Каков сюжетец! Бандиты все знают, совершают кровавый угон, зловеще следят за второй жертвой в электричке, убивают и растворяются в ночи! О, это будет материальчик! И не для родной «провинциалки» или доморощенного криминального еженедельника – верный шанс заявить о себе во всесоюзном масштабе. А это – Имя! Старого сокурника по «универу» в «Комсомолке» потревожить, а еще лучше в «Мегаполис» статейку заявить. Пройдет влет! Вовчик не сомневался. Тут самое трудное – заголовок придумать эффектный, хлесткий, история-то в духе гангстерского Чикаго. Оп-паньки! Читаго! Вот-вот-вот! Не забыть обыграть в будущем заголовке это самое «Читаго»! Гонорарчик столичного издания – не местные гроши. И – Имя! Давно пора протаптывать дорожки из постылой провинции...

В общем, в этот вечер Вовчик обманул приятные ожидания Лидочки. Дима порывался деликатно удалиться, оставив парочку коротать вечерок, но Вовчик проявил дружескую солидарность, и друзья детства откланялись раздосадованной хозяйке, оставив ей опустевшие тарелки и полдюжины пустых пивных банок. Вовчик, конечно, при всей дружеской солидарности, не мог нанести женской душе такую травму, поэтому на пороге одарил пассию затяжным поцелуем и клятвенно заверил, что завтрашний вечер они посвятят дальнейшему изучению «Камасутры» и других аналогичных руководств в практическом режиме, что Лидочку несколько утешило...

Мельников, вскоре после той восьмимартовской вечеринки, убедился, что приятеля явно недооценивал. Влад прикатил домой к Олегу под вечер. Слово за слово, обычная трепотня.

Но потом, как-то незаметно, Орехов перевел разговор на оружейную тему. Вспомнил одного своего знакомого мужика из Иркутска. Мол, дядя с головой, собственное дело завел: сбережения все свои, горбом на Севере заработанные, плюс у родни назанимал, ссуду в банке выкрутил – обустроил, короче, в арендованном подвале жилой многоэтажки кооперативное кафе. Но, дескать, недолго радовался. Местная уголовная шпана повадилась бузотерить: отстегивай, дядя, процент, а не то спалим. И какая тут жизнь, и какой тут бизнес?

Привел Влад Олегу примеры из доморощенного читинского рэкета. Да и Олег был наслышан. С завидной регулярностью вспыхивали среди ночи и сгорали дотла киоски кооператоров. От старого рынка, вон – одни головешки. А в милицию заявлять бесполезно. Скорее дело «помогут» прикрыть, чем этих мафиози отловят.

Вот и иркутский знакомый, продолжал Влад, о тех же болячках рассказывал. У него уже дважды в кафе стекла били, недавно около дома встретили, едва ноги унес. Когда бы было чем отпор этим шакалам дать, припугнуть шпану...

– Остается твоему знакомому только посочувствовать. – Олег мгновенно вспомнил свою трепотню. Спину окатил озноб. Вот так Владик окосевший!

И пошел дальше разговор без особых витиеватостей и побочных историй. Разве что приятель поначалу и глазки потупил, и с деланым безразличием плечами пожал:

– Ну, может, знаешь...

– Что знаю?

– Олега, это же конкретно между нами... Ну все же об этом говорят... Что из Афгана ребята всякие «игрушки» привозили...

– Ты хочешь сказать, что я...

– Упаси боже! – замахал руками Влад, оглядываясь на дверной проем: Мельниковы-старшие смотрели в соседней комнате телевизор.

– Не о том я... – Влад перешел на шепот. – Просто ты же среди этих ребят вращаешься, братство, там, боевое... Может, у кого-то... Так, пустячок какой, чтоб при случае пошуметь, отпугнуть. Взрывпакеты какие-нибудь ерундовские...

– Твоему знакомцу от рэкетиров отбиваться?

– Но... Да какие там рэкетеры! Шпа-а-на! Попугать борзых...

– А как до смерти напугает? Куда потом менты стрелки повернут?

– Хэ, если только это! – отбросив махом всю свою нарочитую наивность, засмеялся довольный Влад. Теперь он точно знал! – Старичок, это не твои проблемы! Допустим, ты у кого-то чего-то добыл и отдал мне. Один на один. Да покажи я на тебя пальцем – кто мне поверит? А тут еще и я не последний. И потом, что я – последняя фекашка? Сам замутил и сам буду «цинковать»? Нелогично. Я для таких вещей – передаточное звено. Мне, Олега, оные «игрушки» ни к чему! Кафе не держим-с! Ха-ха-ха!

Отсмеявшись, Влад доверительно наклонился к Олегу:

– И потом, Олега, любой труд предполагает вознаграждение... – Орехов красноречиво потер пальцами. – Тебе не надо тугриков? Ты посмотри вокруг! Как люди живут! Причем, заметь, никакой игры с законом в кошки-мышки. Честный бизнес!

Таким приятеля Олег еще не видел. Куда слюнявая вялость и привычное словоблудие подевались – деловит, напорист!

– Время, старичок, интересное наступило! Было бы желание – развернуться можно. И деловые ребята сопли не жуют! Так что же, из-за каких-то тупых громил сворачиваться и молчать в тряпочку? Сам знаешь – против лома нет приема, кроме другого лома! – Влад пятерней закинул назад прилипшие к потному лбу волосы и снова перешел с патетики на театральный шепот. – А по большому счету, Олега, – наплевать! Мы не фирмачи и не кооператоры. Их бизнес – их горе. Но почему бы нам со всего этого не иметь свой скромный и заслуженный наварчик? Нехилые башли мимо плывут, старичок! Спрос рождает предложение. Ты подсутился – ты и заработал. А мой знакомый – мужик надежный. Могила! Ты ему поможешь – отстегнет соответственно. И разошлись как в море корабли...

– По твоему горячему участию, – усмехнулся Олег, – так понимаю, что тоже внакладе не останешься...

– Я – второе дело. – Влад махнул рукой с таким безразличием, что у Олега не осталось и тени сомнения.

Но этим вечером он никаких векселей приятелю не выдал. Сам еще ни в чем не определился. Гнездилась еще в голове наивная мыслишка, что весь этот разговор – случайное стечение обстоятельств. Понимал, что врет себе, но так ведь удобнее? А ночью долго мял подушку, переваривая разговор с Ореховым. Следующий день на работе с железками возился и снова думал и думал.

Через неделю бывший одноклассник заявился снова, теперь уже без экивоков завел ту же песенку. Но и у Олега за неделю решение созрело. Пообещал приятелю «разузнуть у знакомой боевой братвы» про желаемое.

Сам же дней пять дотошно штудировал прессу: все, что бойкие журналистские перья выдавали из Закавказья и Приднестровья, про абхазских и карабахских боевиков, вылупившуюся российскую мафию и гримасы черного рынка.

Не сразу искомое нашел: почем нынче «стволы» из-под полы? Журналиги сообщали, что в Карабахе за «макарова» дают восемь тысяч рубликов. А на сколько тогда потянет импортная «машинка», стоящая в пистолетной иерархии на порядок выше?

Неприятно поразился собственному торгашескому азарту. Впрочем, почему бы и нет? Пусть обнимется защитник собственного общепита с вожделенной железкой! Экс-рядовому Мельникову она все равно – чемодан без ручки. Зато не надо будет по вечерам и выходным горбатиться за мятые четвертные. К тому же, при нынешней жизни, и халтурка ему, Олегу, вряд ли поможет угнаться за ценами. Как «башли» не собирай – свадьбы по лету не устроить. Раскатал по наивности губу! Да и потом, не хуже других свадьбу отгулять, а дальше? После с молодой женой зубы на полку складировать? Опять сутками вкалывать? А так – закатились бы с Ленкой на море, в настоящий свадебный круиз! Волны, солнце, бриз-ветерок, отдельный

номер в путной гостинице, шашлычок под сухонькое на гладком песочке, танцы под большими южными звездами... И комнату в малосемейке не меньше чем за год вперед можно оплатить.

Созревшее решение толкнуть афганский трофей оформилось окончательно. Олег сам позвонил Владу. Когда встретились, изложил придуманную историю про пистолет. Орехов сделал вид, что поверил, деловито поинтересовался о цене. Олег к вопросу был готов: пятнадцать «кусков». Влад присвистнул, но пообещал «связаться с покупателем».

«Связался» на удивление быстро: «иркутский знакомец» Орехова предлагал ровно половину. Олег заартачился, дескать, «хозяин машинки настаивает». В торговлю играли еще недели полторы. Олег говорил «нет», Влад «приносил от покупателя» новые аргументы: мол, игрушка импортная, патронов мало, а будущему владельцу и в стрельбе потренироваться надо – где потом боезапас пополнять?

Обоюдно осторожная игра бывших одноклассников в посредников купли-продажи кольца закончилась тем, что Олегу удалось выторговать сверх первоначальных семи с половиной тысяч рублей еще полтора «куска». Запакованный в газетный сверток «товар» Влад взял в руки с заметной опаской, суетливо сунул мрачному Олегу пачку сторублевок. Молчаливыми и настороженными разошлись в тот вечер бывшие одноклассники.

Само собой, никакого иркутского кооператора, «верного и надежного мужика-могилы», у Влада не было. А были те самые удалые молодцы, на которых Орехов работал...

Влад поднялся из удобного кресла, подошел к импортной стенке красного дерева, откинул дверцу бара. Не торопясь, пока пиликала привычная электронная мелодия, извещавшая, что бар открыт, выбрал бокал, плеснул на доньшко коньяку из пузатой матовой бутылки. Любил «тихо сам с собою» поаристократничать в уютном полумраке у «видюшника», цедя через губы по капле хороший коньячок.

Под шоколадку, как и положено, а не под плебейское изобретение приснопамятного Лаврентия Палыча или царя Николашки – хрен всё упомнишь! – лимончик с сахаром. Это папашка иногда изображал из себя интеллигента, как же, – препод высшей школы! Хотя обычно засаживал за ужином стакан-другой благородного напитка под заурядный салат и кулем сваливался на тахту, мыча и матерясь сквозь одолевающий сон, пока мадам Орехова, с брезгливой миной на ухоженном, но безнадежно увядающем, несмотря на все косметологические ухищрения, лице, стаскивала с благоверного его домашние «адидасовские» штаны.

Потягивая из бокала, Влад довольно хмыкнул. «Боевые братья» Олега, выкатившие «ствол» на продажу, безусловно, липа чистой воды. Мельников, конечно же, сам привез железку из Афгана. А нынче ему денежки очень нужны. Не терпится свить семейное гнездышко! И прибарахлился паренек с удовольствием, особенно, когда узнал, что цена на тряпки смешная. Куда и принципы свои засунул, «афганец» хренов!

Прошедших Афганистан Влад Орехов ненавидел. Одних – за сделанный на войне бизнес – ненавистью, круто замешанной на зависти мелко плавающего жулика. Других, которых было неизмеримо больше, – за их презрение к нему, Владу. Зудила кожа от взглядов прошедших огненное горнило сверстников. За это и ненавидел.

Олега Мельникова относил ко вторым. Как и понимал, что желание записать бывшего одноклассника в горстку «наваривших на войне» – только желание. Что сторговались они на пистолете – ни о чем не говорит. Еще шире стала пропасть между бывшими одноклассниками.

Олег оставался частью тех, кто, узнав в далекой и чужой стране цену жизни, увидев смерть и кровь и сам ее пролив, перестал быть тем лопухим мальчиком, которого привезли когда-то на сборный пункт и одели в военную форму. Лопухие мальчишки вернулись домой суровыми мужчинами, способными на Поступок. Вот это страшило Влада Орехова больше всего. Именно такие могут положить конец его благополучию, лишить мягкого уют-

ного кресла, баюкающего воркования импортного телящика, ароматной влаги в хрустальном бокале, доступных девочек и ресторанного блеска.

Боясь и ненавидя, Влад Орехов инстинктивно вступил в борьбу. За свое удобное существование в привычном ему мирке. Баюкая опустевший бокал, Орехов не мог не признаться себе, что больше всего ему сейчас хочется сломать «афганца». Сломать и наблюдать, как гордый Олежек завязнет по уши.

Влад зевнул, выключил надоевший «видак», еще раз прогулялся по пушистому паласу до бара, опустил в кресло, катая на языке новую порцию «Камю», лениво потыкал пальцем в телефонные кнопки:

– Лёнчик? Есть разговор...

С Костей Ломовым, больше известным среди таксистской братии под прозвищем Лом, у Олега отношения были самые обычные. Разве что донельзя изношенную «тачку» Лома чаще всего ладить доставалось Мельникову: Костя сам предпочитал его. И хотя в «яме» орудовал ключами наравне с Олегом, при случае считал своим святым долгом рассчитаться за ремонт «по высшей таксе»: откатав смену, Лом загонял машину в бокс, свистел Олегу и доставал из бардачка бутылку. Из закуси «салонное» застолье традиционно сопровождала пара ломтей хлеба с салом и обломанный долговязый китайский огурец.

В иные дни Костя, правда, тоже Олега вниманием не обделял, заглядывая на пару минут в слесарную кандейку: потравить свеженькие анекдоты, «за политику» побалаболить, попеременно кляня то партократов, то демократов или очередной съезд народных депутатов, по-своему прокомментировать вычитанное накануне в газетах.

Вот и сегодня Олег, выйдя из ремонтного бокса, увидел Лома в окружении десятка водителей, что-то оживленно обсуждавших. Чиркнув спичкой, Олег подошел к мужикам.

Лом тряс какой-то газетой, рокоча своим прокуренным, хриплым голосом. Увидев Олега, тут же переключил свой монолог на него:

– Во, братан, допрыгались со всей этой дерьмократией уже по самое не могу!

Лом снова яростно затряс газетным листом.

– Не читал, как мы прославились? На всю страну!

– Про нашу «Пэтэпуху», что ли? – Олега начинала уже смешить эмоциональная озабоченность Лома газетными публикациями. – И в какой же это газетенке?

– Какие, на хрен, таксомоторы! «Газетенке»!.. – возмутился еще больше Лом. – Московская! «Мегаполис-экспресс», слыхал? Тираж – ого-го, все читают! Ославилась Чита, или, как тут пишут, Читаго! Вот, суки!

– Кто суки?

– Хорош тебе! Ты вот послушай, какие дела у нас творятся! Скоро и возить не захочется! – Лом, видимо, уже в третий или четвертый раз взялся за «громкую читку»:

– «ЧИТАго: кровавые дела провинциальной мафии». Это, значит, заголовочек такой, – со злостью прокомментировал Лом. – «В последний день июля Читу потрясли два ужасных, зловещих преступления. В пригородном дачном массиве убит владелец «жигулей», а несколько часов спустя, в глухом переулке Железнодорожного района областного центра – заместитель председателя одного из читинских строительных кооперативов. Оба убийства, как стало известно из довольно осведомленных источников, совершены из одного и того же пистолета американского производства – крупнокалиберного кольта. Зашедшее в тупик следствие ломает голову, как и где убийцы (а уже известно, что их было трое и им удалось благополучно скрыться) обзавелись столь экзотическим оружием. По имеющейся информации, они – участники организованной преступной группировки, однако наша доблестная милиция не может ответить на вопрос: это дело рук местной или иногородней мафии? А хотелось бы узнать ответ!

Как и услышать о раскрытии преступления в кратчайшие сроки. Но возможно ли это при явной беспомощности читинских правоохранительных...»

– Дай-ка сюда. – Олег резко потянул газетный лист из рук Лома. Бумага затрещала.

– Осторожнее, любознательный ты наш! – Лом отпустил мятые газетные листы и, хмыкнув, повернулся к мужикам. – Вот, бля, дела! И у нас уже мафиози расплодилось! Посади такого в салон, а он тебе, бля, нож под ребро или «пушку» к затылку. Хорошо только выручку сгребет или лайбу, бля, дернет покататься, а как вдобавок еще и башку, бля, разнесет!

– А Серегу давно ли схоронили? Или на Макса в прошлом месяце, помните, напали! – снова загалдели примолкшие на время громкой читки таксисты. – В ночную вообще не работа – сплошные нервы!

– Я монтировку под левую руку кладу, да, спасет ли!..

– Ментовка вообще мух не ловит, зато нас пасут – мол, все вы барыги, только водкой на вокзале из багажников торговать!..

Сигарета обожгла пальцы. Олег растер окурочек подошвой по асфальту, отошел в сторону, присел на сваленные у бокса старые покрышки. Глаза вновь и вновь лихорадочно пробегали по одной и той же строчке: «... американского производства – крупнокалиберного кольта...»

О совпадении, ясно, не может быть и речи. Его «машинка». Точно!

Выругался, сминая в кулаке газету. Влад, тварь, подставил! «Кооператор иркутский», «надежный мужик»!.. Ну, сука Влад!.. А сам-то кто? Позарился, дебил, на дурные «бабки»... С кем связался, урод!..

С языка вновь с ожесточением сорвалось ругательство. Кроме мата и проклятий на ум ничего не приходило. А яриться, конечно, уже поздно. Хрена ли теперь слюной брызгать! По уши в дерьме... Сам в него и нырнул. Шикануть захотелось! Шиканул...

«Всё к одному», – подумалось с горечью. То, ради чего была затеяна продажа «ствола», лопнуло еще в апреле. На предложение Олега подать заявление в ЗАГС Лена ответила отказом. Не категорично. Мягко. Но надо быть полным идиотом, чтобы не понять – неопределенное «давай повременим» равносильно категоричному «нет».

Рассудила правильно, чего уж тут. Но Олегу тогда ее слова – оплеухой. А сейчас, когда, почитай, почти три месяца минуло... Права она.

Олег тяжело вздохнул, потянул из пачки новую сигарету. Тогда психанул, задергался, дверью хлопнул... А возразить-то Лене и нечего было. Права на все сто. Первый, что ли, упрек слышал он от любимой по поводу регулярно сопровождающего его запашка спиртного? По весне «халтурок» прибавилось, а какой же хозяин заверченный ремонт своего любимого стального коня не сбрызнет. Да и в парке после работы не с одним только Ломом нет-нет да и «раздавливали» поллитровочку?.. Вот так. Неудобно, вроде бы, «хлебосольству» отказать, а вышло – сам получил отказ.

Олег с отвращением вытолкнул громким плевком слюну, набившую рот вязким, перемешанным с табачной крошкой клубом: чуть не сжевал раскисшую «стрелу». Достал еще одну. Прикурил, несколько раз подряд глубоко затянулся. Сигарета привычно успокоила. По крайней мере, мысли в голове перестали раскручивать суматошную карусель.

О Лене в последние недели думалось со ставшей уже привычной отстраненностью. Помогало и то, что третий месяц Лена в Чите отсутствовала: «отбывала» практику в захолустной сельской больнице за четыреста верст от областного центра. С другой стороны, Олег все отчетливее понимал – ничего у них не выйдет. Без пяти минут врач и слесарь-недоучка...

Он ощущал края той трещины, которая образовалась и, как ему казалось, расширялась день ото дня. Вроде, вот, только трещинка пока, а как переступить? Не получается.

Вдобавок теперь этот «ствол»... Еще когда отношения с Леной были розово-безоблачными, Олег не раз задавал себе вопрос: сможет ли всю жизнь молчать и не признаться Лене про «куплю-продажу» пистолета? Объяснить появление денег на свадьбу несложно левым сле-

сарным заработком, а как в глаза-то смотреть? И дело не в совестливости или щепетильности. Не тряпку перепродал. По-другому называется история с пистолетом. Ну а теперь, когда на «стволе» кровь, – полный крантец!

Теперь спокойная жизнь закончилась. Сколь веревочке не виться... Дураку ясно – рано или поздно веревочку эту вытянут до конца. Доберутся «компетентные органы» до него, продавца сраного! И предстанет он в глазах Лены... В голове не укладывается!

Олег поймал себя на мысли, что собственная судьба его занимает кратно меньше, чем предстоящий позор перед Леной. В том, что рано или поздно это произойдет, уже не сомневался. Закон бутерброда, имеющего подлую тенденцию падать маслом вниз.

Мысли снова перескакнули на Влада. Вот, тварь! После сделки со «стволом» они больше не встречались, с апреля в тесной Чите нигде не пересеклись.

Олег расправил на колене измятый газетный лист, еще раз перечитал заметку про выплывший кольт, уперся глазами в подпись под заметкой. Фамилия автора ему ничего не говорила. Да и что может знать этот писака, даже если он и из местных. Вот же, сам пишет: «преступники неизвестны». Преступники...

Теперь и он, Олег Мельников, в одной связке с убийцами. Так вляпаться! Это кто, Чехов, вроде, про ружье на стене писал. Вот и выстрелило «ружьешко»...

Понятно, что не Влад на спуск нажимал. У того кишка тонка. Девоч лапоть втихушку от Татьяны и коньячок тянуть – это да, а на большее... Вряд ли. Купи-продай – вот это по Владу. У Влада обязательно есть ниточка к этим... Не может не быть!

Олег решительно поднялся с пахнущих гудроном и пылью покрышек. Наскоро оттерев руки порошком под фыркающим воздушными пробками краном, добрался до конторского телефона.

Гудки уходили в никуда. На том конце, у Ореховых, трубку никто не снимал. Что ж, подождем до вечера. Мельников уже заметно успокоился. Страха не было с самого начала, а захлебываться яростью сейчас совершенно ни к чему. Злость – плохой советчик и помощник. Как и спешка, которая тоже сейчас абсолютно лишняя. Спешка, известно, где нужна. В общем, не та ситуация. Разберемся спокойно и по порядку...

Олег разыскал Потапыча. Отпросился на день. Тот махнул рукой не спрашивая. Дескать, дело молодое, вали! Мельников переоделся и вышел за ворота. Спустился на кишашую машинами улицу имени Бабушкина, прошагал квартал до недавно открытой пивнушки-стоячки: пара кружек не помешала бы. Громадная аляпистая вывеска «Пивбар» выглядела над крышей инопланетным слоганом. До пивбара ейной забегаловке... Давно ли открылись, а традиционных пивных кружек уже не видать. Хануристый народец трясет поллитровыми банками мутного стекла.

Из детства вспомнилось, как на читинских улицах стояли красные с желтым автоматы «Газированная вода». Насколько нынче кажется невероятным, что в них нередко присутствовали граненые стаканы, в которые можно было набуровать шипящей воды с газом за «один коп», а на три копейки – сладкой газировки с сиропом! Были деньки... Мужики и тогда «мерзавчика» или «чекушонка» могли неподалеку раздавить, но стакан возвращали. Даже старательно давили нетвердой рукой на перевернутую кверху доньшком емкость – мыли, гигиенисты!

Олег побултыхал над эмалированной, в бурых подтеках, раковиной-мойкой высвободившуюся банку 0,7 л из-под зеленого венгерского горошка, протянул продавщице. Теплая мутная жидкость заплескалась под густой шапкой пены. Сзади напирала. Мельников взял банку, расплатился, получив сдачу скользким «серебром», пристроился к липкому краю столика-стоячки в углу. Проводил взглядом вырливавший от пивной «москвич», в который только что уселся, наполнив пивом бидончик, немолодой мужик. Впереди салон малолитражки заполняла

дородная матрона, без сомнений, супруга оного, а на заднем сиденье, смеясь, вертели головами две белобрысые девчонки. «Попылило семейство на дачу», – отстраненно подумалось Олегу.

И одновременно, как двумя молниями, ударило в виски: вот такого же дачника из его кольта!.. А с Леной у них никогда и ничего не будет... ни семьи, ни вот таких вертушек-хохотушек!.. Все-то он продал! Совесть, друзей боевых, Лену...

Не сделав и глотка, Олег отставил банку, вышел из-под навеса на улицу. То, что обычно называют внутренним голосом, сверлило изнутри, ехидно и зло: ишь, на мораль потянуло! А чем раньше думал, когда эту железку пер «на дембель», тряся над своей «драгоценностью», как Кошей, а потом высчитывал максимально возможный «навар»? Сука, короче, полная, а не бывший гвардии рядовой Мельников!

Перебежав улицу, оттянул тугую дверь железного скелета будки телефона-автомата. Машинально подумалось, что снять трубку и набрать номер можно и не заходя в будку, зияющую пустыми проемами для стекол.

Покрутил диск, долго вслушивался в протяжные гудки. Вымерли чертовы Ореховы!

Выругавшись в очередной раз, Олег поплелся к перекрестку, повернул вниз по Баргузинской к центральной улице, на остановку троллейбуса-«единички». Слева ребячий гомон – выпорхнула стайка из кондитерской.

Как в детстве, захотелось мороженого. Помедлил и толкнул оцинкованную дверь. Внутри, у прилавка, тоже ребячьи гомонила. Не так много в Чите мест, где всегда можно полакомиться мороженым: гудит в углу за прилавком солидный куб из нержавейки – фризёр: сверху заливается молоко или сливки с сахаром, а немного погодя из толстого крана внизу выползают узорные колбаски «мягкого» мороженого. «Тетенька» в замусоленном халате считает ребячьи копейки и выдает взамен блюдечко с лакомством, полив его напоследок яблочным сиропом или смородиновым вареньем. Не пломбир московский, но все-таки...

Олег тоже взял блюдечко, отошел к высокому столику. Мороженое быстро таяло. Как апрельский навар с кольта. Три тысячи «сжег» чуть ли не сразу после той размовки с Леной – купил со злости в «комиссионке» на Калинина японский двухкассетник. Старикам дома наврал, что мужики на работе скинулись, и сам, мол, добавил триста, – на день рождения подарили. Отец с матерью в комиссионных ценах на заморское диво – не копенгагены, а сеструха как раз приезжала домой подкормиться, студентка заморенная, – в бо-ольшом сомнении покачала головой: богатенький, дескать, народец, твои таксисты!

Еще тыщу матери отдал. Тоже с красивым враньем: профсоюз-де как бывшему «афганцу» на обзаведение хозяйством подкинул. Мать деньги в шкатулку и в секретер: это тебе на будущее, женишься – пригодятся. А остальные пять «кусков» тихо заняли место пистолета на антресолях. Затолкал в самый дальний угол под шмутье. Даже в газеты так же замотал...

Да, наделал делов! Олег невольно представил, как выглядят трупы после сорок пятого калибра... Получается, он первым приложил к этому руки. Непроизвольно опустил глаза на ладони. Черт, совсем уже!..

Отодвинул блюдечко, вышел на улицу. Мимо, к центру, по Баргузинской пролетела белая иномарка. Заморских «колес» в Чите за последний год заметно прибавилось. Из Владика и Находки, из Совгавани и Комсомольска-на-Амуре гонят. С приморскими транзитными номерами. А в Чите и далее – толкают. Сто шестьдесят – двести «кусков» за металлолом из Страны восходящего солнца. Хотя этот металлолом надежнее и комфортнее наших колываг с конвейера. Потому и берут. Но кто? Такие, как Лёнчик.

Олег уже в который раз выругался вслух. Проходившая рядом пожилая женщина вздрогнула и отшатнулась от него, как от чумного. Часы показывали 17.41. Вообще-то, Влад Орехов в это время обычно кантовался дома, это его после десяти вечера до утра не сыщешь.

Олег рванул напрямки – по улице имени главного областного печатного органа, мимо высокого крыльца Пушкинской библиотеки, еще квартал прямо и половина направо. Пересек

ухоженный двор «дворянского гнезда» – так с момента постройки и заселения многоэтажек горожане ехидно обозвали этот микрорайон.

Ореховы жили на третьем этаже. На мелодичное курлыканье звонка дверной проем заполнила величественная фигура мадам Ореховой.

– Мельников? – она поджала губы, даже не пытаясь изобразить радушие на своем холерном лице.

– Здравствуйте. – Олег сделал было по привычке шаг к дверям, но вся поза хозяйки наглядно заявляла об одном – дальше коврика на лестничной площадке Олегу хода нет. – Влад дома?

Выщипанные в ниточку и тщательно прорисованные брови Элеоноры Львовны удивленно полезли вверх.

– Владик уже две недели в Санкт-Петербурге!

И далее мадам Орехова, окинув Олега уничтожающим взглядом, снисходительно сообщила, что удивлена его, Мельникова, неведением в смысле таких выдающихся событий, как успешный перевод ее Владика для дальнейшей учебы в тени красот Северной Пальмиры. Куда сынок уже отбыл, чтобы оставшуюся до начала нового учебного года недельку акклиматизироваться.

– Интересные у вас отношения, молодой человек, с друзьями. Владик, мы, почти полгода с организацией этого перевода – на нервах, а для вас – открытие! Даже про владиков отъезд – ни сном ни духом!

– Вы удивительно наблюдательны, Элеонора Львовна! Всего хорошего!

Глава 6. Распутин, 16 декабря 1916 года

Похмелье навалилось с пробуждением. Григорий тяжело оторвал голову от мокрой подушки, сел, утопив большие мохлястые ступни с желтыми, вросшими ногтями в густой ворс неяркого ковра на полу. Лениво поскреб грудь под пропотевшей исподней рубахой, тяжело оглядел комнату.

– Нюрка! – хрипло позвал племянницу. – Нюрка! Язви ты в корень, девка шалопутная!

– Туточки я, Григорий Ефимович! – Из-за полога дверной занавеси высунулась Нюрка, остроносая и подвижная, хотя и расплнела в последнее время от сытой жизни.

– Тащи, как обычно! – скомандовал «старец».

И минуты не прошло, в комнату вновь влетела Нюрка, с подносом, на котором красовалась запечатанная бутылка мадеры, любимого распутинского напитка, тарелка с крутосваренными яйцами, стакан и кусок хлеба с половинкой свежего огурца.

Следом, как привязанная, – Катя, Екатерина Печенкина, самая первая Гришкина любовница. Ее еще малолетней Распутин совратил в родном Покровском, а потом, укрепившись под царицыной дланью, выписал в Петроград в качестве прислуги, Нюрке в помощь.

Обеим дел в распутинской квартире на Гороховой хватало выше головы: стряпать, прибираться за бесконечными гостями-посетителями, стирать, да еще и ублажать периодически «старца», когда рядом с ним не крутится очередная барыня-мадама из благородных. Через пару комнат, в другой, изолированной половине квартиры, жили сами по себе законная супруженица Григория Ефимовича – Прасковья и две его дочери, старшая Матрена и младшая Варька.

– Пошто, курицы, не откупили мадерцу, бесовско отродье! – прогрохотал Распутин, почесывая в паху. – Давай, лей стакан до краев!

Катя, сноровисто вытянув пробку, набулькала вино в граненую емкость. Григорий махом вылил стакан в глотку, зажмурился, слушая движение мадеры по жилам, с кхеканьем выдохнул и потянулся за огуречным бутербродом. Откусил половину, остаток подал Печенкиной.

Это уже своего рода ритуал сложился, всегда производивший впечатление на публику: обязательно черный хлеб с огурцом свежим из немецкой теплички в Петергофе, обязательно только один укус, а надкушенная половинка – как знак особой благодати от Григория Ефимыча.

Катерина тут же и захрустела, жеманно закатывая глаза, хотя публики не было, а Нюрку это всегда смешило. Как и вторая часть ритуала пробуждения – поедание «святым старцем» крутых яиц. В один присест мог слопать до дюжины, без хлеба и соли, а скорлупу обычно разбирали экзальтированные дамы, почитавшие за честь присутствовать в прихожей в час распутинского пробуждения. Скорлупа считалась божественной и бдительно хранилась по дамским ридикюлям.

– Тут до вас, Григорий Ефимыч, одна барыня добиваются. С ранешнего утра телефонируют, – недовольно промолвила Нюрка, железно уяснившая, что ежели начинаются эти электрические «трень-брень», то вскоре набьется полная квартира самого разношерстного люда – от княгинь благородных кровей до откровенных пройдох, причем, чаще всего, самые «благородные» составляли с жуликоватым отродьем одно целое, а то и вовсе выступали в едином лице.

– Чего ей надобно? – мрачно осведомился Распутин, опрокинув второй стакан мадеры. Не прибирало...

– Хм, известно чего... – вздернула плечики Нюрка, кривясь.

– Ты мне тут не хмыкай, курица! Барыня-то назвалась?

– Не назвались! Сказали, что сызнова протелефонируют.

– Смотри, курица, не прозевай! Кликнешь меня сразу... а щас ступай, ну ты к лешему!..

Распутин вылил остатки вина в стакан, ткнул пустую бутылку Печенкиной. Та мигом ринулась за новой посудинной.

«Что за баба, язви ты, откель?» – подумалось Григорию лениво и отстраненно. Мадера начала-таки отгонять похмельную тупую ломоту в башке, взамен подпуская веселого дурмана. Григорий продолжал кумекать: кто ж такая названивала? И ведь, анахвема, заветный номер проведала...

Распутин крайне гордился, что по приказу «мамки» – самой царицы-императрицы! – ему протянули телефонный шнур, поставили аппарат, обеспечили связь по высшему разряду. И номер свой, «646—46», только самым-самым доверял.

Прибежала Печенкина с новой бутылкой, шустро раскупорила и наполнила стакан. Теперь уже Гришка мелкими глоточками его цедил, входя во вкус.

Это был последний день жизни Распутина. Потом и назначенная Папой и Мамой, как называл «старец» венценосную пару, следственная комиссия, и жандармский сыск, и более поздние исторические исследования восстаноят этот день по часам и минутам. Но нас он интересует всего эпизодом.

По свидетельствам очевидцев, тех же Нюрки и Катерины, филеров, которые охраняли квартиру на Гороховой, привратницы и других, кто в первой половине дня шнырял в прихожей, к полудню «старец» был пьян как сапожник. Снова завалился в кровать, пока не растолкала пронырливая Мунька Головина, исполнявшая роль его секретаря и зачастую курьера между Гороховой и Царским Селом. Мунька, по пробуждению хозяина, всем отвечала, что нонче Григорий Ефимович не принимает, собирается «очиститься паром», то есть в баню съездить.

В баню он уехал уже в третьем часу, обернулся скоро и вновь хотел завалиться спать, потому как поддал в бане не только пару. Но тут приехала самая верная его подруга с круглым кукольным личиком – внезапным образом обезножившая царская фрейлина Анна Вырубова. Привезла от царицы в дар икону.

О чем они беседовали, уединившись, никто не ведает, да и сама Вырубова в своих более поздних, эмигрантских записках не упоминает. Только написала, что собирался на ночь глядя Распутин в гости к молодому князю Феликсу Юсупову.

После отъезда Вырубовой Распутин снова лег спать, пробудился к семи часам вечера. А вскоре раздался телефонный звонок. Нюрка схватила трубку и услышала тот самый мелодичный женский голос, что и спозаранку. Памятуя о наказе Распутина, тут же позвала его к аппарату.

– Григорий слушает, – важно произнес Распутин.

– Многоуважаемый Григорий Ефимович, примите низкий поклон! Не осмелилась бы вас беспокоить, но имею неотложное и важное, государственной значительности, дело... Я не посмела бы отвлечь святого человека от забот...

Голосок так и переливался.

– Ты мне, курица, словесные кренделя не нанизывай. Говори, в чем печаль твоя?

– Печали, глубокоуважаемый Григорий Ефимович, у меня нет, а вот раденье о государственном благе...

– Ишь ты! И об чем же ты радеешь, милая? Кто надоумил мне телефонировать? – Гришка нагнал в голос грозы. – Кто тебе, анахтема, номер моего аппарата представил, а?!

– Простите великодушно, дорогой Григорий Ефимович. Моя добрая подруга Екатерина Викторовна Сухомлинова...

Затрепетало внутри у Распутина. Только две бабы, как даже при народце банно-застольном обмолвился он однажды по пьяни, украли его сердце – Анютка Вырубова и Катька Сухомлинова, жена незадачливого и престарелого бывшего военного министра. Теперь уж нет этой

волнительной связи, а ноет Гришкина душа. Порочная, развращенная, черная и безжалостная, а ноет!

– Сказывай, милая, что за забота гложет? – подобрел голос у Григория.

– Телефоном опасаюсь... – прошелестел после заминки нежный голосок. – Опять же смею бумаги представить...

– Ладно, – Гришка скорчил понимающую гримасу в овальное зеркало, увенчивающее резную тумбочку с телефонным аппаратом. – Приезжай, милая, потолкуем о государственном благе...

Из протокола филерского наблюдения: «В период с 8 час. вечера до 11 час. вечера квартиру Распутина посетила неизвестная дама. Блондинка, лет 25-ти, выше среднего роста, средней полноты. Одета в пальто “клеш” темно-коричневое, такого же цвета ботинки, на голове черная шляпа без вуали».

– Так о каком важном государственном деле щебетала ты мне, козочка? – Гришка лежал на взъерошенной кровати, закинув руки за голову, и созерцал, как его посетительница, смущаясь и отворачиваясь, застегивает свои многочисленные дамские крючочки.

Молодая женщина, наконец, справилась с одеждой, поправила волосы и щелкнула замочком ридикюльчика, присев у Григория в ногах. Стараясь не смотреть на бесстыдно развалившегося в одних портках «старца», протянула ему свернутые в трубочку несколько листов велевой бумаги.

– Темно тут, читать не буду, пощечичи, голубица, сама, а я послушаю, об чем ты радеешь.

– Собственно, не я... Это... муж мой радеет. Он у меня по горному ведомству начальником департамента недавно назначен. – Женщина покраснела, зачастила, все так же отводя глаза. – И вот... ревизировал дела, оставленные предшественником. Столько неразберихи!.. Но один документ его особое внимание привлек... Прошение золотопромышленника из города Иркутска. Его заявка на участок для добывания золотых руд. По этому документу сибирскому золотопромышленнику отказали... А фамилия его – Кузнецов. Вы, Григорий Ефимович, тоже ведь из Сибири, наверно, знаете...

– Голова твоя садовая! Сибирь-матушка – огромная территория! Это тебе, курица, не Фонтанка! Да ты и на Фонтанке кого знаешь? Всех?

– Помилуйте, разве это возможно!

– Оноте и помилуйте! Помиловал уже, тут ты не прогадала, – довольно засмеялся Распутин, легонько пихнув женщину голенью в бедро, скрытое пышными складками юбки. – А зарумянилась-то, голубица! Э-э-эх, одним вы миром мазаны, курицы! Святой силы все испробовать норовите... А в сам-деле...

Распутин посуровел, перекинул ноги через невольню пригнувшуюся посетительницу, и, садясь, развернулся всем корпусом к низкому столику, с фруктами и вином.

– А давай-ка, голубица моя милая, хлопнем с тобой еще по рюмашке! Давай, не смущайся, барыня-сударыня! Мадерцы моей сладкой выпьем... Да ты и сама сладкая, как мадерца! – Привалился к молодой женщине, осклабясь, ущипнул за бок. – Чево за этого Кузнецца радеешь-то? Родня?

– Что вы, Григорий Ефимович, ни в коем случае! Знать не знаем, ведать не ведаем никаких Кузнецовых, тем паче – в оных иркутских краях! Наоборот, мы с мужем убеждены, что отказ – совершенно правильное решение: обнаружены богатейшие залежи золота, а уйдут в частные руки... А государству, казне государевой, ныне, когда великая война с Германией... требуются большие средства!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.